

ЭЛЕНА ФЕРРАНТЕ

*История
о пропавшем ребенке*

Лучшая литературная эпопея современности.

LA REPUBBLICA

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ НЕАПОЛИТАНСКОГО КВАРТЕТА

Элена Ферранте
История о пропавшем ребенке
Серия «Неаполитанский
квартет», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27993747

История о пропавшем ребенке / Элена Ферранте: Синбад; Москва; 2018

ISBN 978-5-906837-87-5

Аннотация

«История о пропавшем ребенке» – четвертая, заключительная часть захватывающей, ставшей для многих читателей потрясением эпопеи о двух подругах: тихой умнице Лену и своенравной талантливой Лиле. Время идет – у каждой из них семья, дети, престарелые родители, любовники... однако самым постоянным, что было в жизни Лену и Лилы, остается их дружба.

Обе героини приложили немало усилий, пытаясь вырваться из бедного неаполитанского квартала, в котором выросли, – царства косности, жестокости и суровых табу. Лену вышла замуж, переехала во Флоренцию, стала известным писателем. Но теперь возвращается в Неаполь, словно не в силах противостоять его мрачным чарам.

Лиле не удалось покинуть родной город. Она стала успешным предпринимателем, однако успех лишь глубже затягивает ее в

неаполитанский омут кумовства, шовинизма и криминальных разборок. В конце концов неуправляемая, неудержимая, неотразимая Ли́ла превращается в некоронованную королеву того самого мира, который всегда так ненавидела...

Четыре книги неаполитанского цикла Ферранте составили уникальную эпопею о женской дружбе, которую литературный критик Галина Юзефович назвала чуть ли не главным международным бестселлером 2010-х годов.

Содержание

Действующие лица и краткое содержание первой, второй и третьей книг	7
Зрелость	13
1	13
2	15
3	17
4	24
5	28
6	32
7	37
8	41
9	50
10	54
11	60
12	67
13	71
14	75
15	78
16	82
17	90
18	96
19	100
20	106

21	109
22	112
23	119
24	123
25	127
26	130
27	133
28	137
29	142
30	146
31	151
32	157
33	160
34	163
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Элена Ферранте

История о пропавшем ребенке

Elena Ferrante

Storia della bambina perduta

Copyright © 2014 by Edizioni e/o

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2018

Действующие лица и краткое содержание первой, второй и третьей книг

Семья сапожника Черулло

Фернандо Черулло, сапожник, отец Лилы

Нуция Черулло, мать Лилы

Рафаэлла Черулло (Лина, Ли́ла), родилась в августе 1944 года. Всю жизнь прожила в Неаполе, но в 66 лет бесследно исчезла. Рано вышла замуж за Стефано Карраччи, но во время летнего отдыха на Искье влюбилась в Нино Сарраторе, ради которого ушла от мужа. Вскоре рассталась с Нино, уверенная, что ждет от него ребенка, и вернулась к Стефано. После рождения сына Дженнаро, он же Рино, узнала, что Ада Капуччо беременна от ее мужа, окончательно порвала с ним и вместе с Энцо Сканно перебралась в Сан-Джованни-а-Тедуччо. Через несколько лет вернулась с Энцо и Дженнаро в родной квартал

Рино Черулло, старший брат Лилы, сапожник. Женат на сестре Стефано, Пинучче Карраччи, у них двое детей. Ли́ла назвала своего первенца в честь брата

Другие дети

Семья швейцара Греко

Элена Греко (Ленучча, Лену́), родилась в августе 1944 года. Рассказ ведется от ее лица. После начальной школы успешно продолжает образование в лицее, а затем и в университете, и получает диплом Высшей нормальной школы Пизы. Во время учебы знакомится с Пьетро Айротой; вскоре выходит за него замуж и переезжает во Флоренцию. У них две дочери – Аделе (Деде) и Эльза. Разочаровавшись в браке, Элена бросает мужа и детей и уезжает с Нино Сарраторе, которого любит с детства

Пеппе, Джанни, Элиза – младшие дети. Приезжая навестить родных, Элена с неудовольствием узнает, что Элиза сожительствует с Марчелло Соларой

Отец, швейцар в муниципалитете

Мать, домохозяйка

Семья Карраччи (дона Акилле)

Дон Акилле Карраччи, спекулянт и ростовщик. Погиб насильственной смертью

Мария Карраччи, его жена, мать Стефано, Пинуччи и Альфонсо. В ее честь назвали дочь Стефано и Ада Капуччо

Стефано Карраччи, сын дона Акилле, колбасник, первый муж Лилы. Недовольный трудным характером жены, заводит любовницу, Аду Капуччо, и открыто с ней сожительствует. Отец Дженнаро, сына Лилы, и Марии, дочери Ады

Пинучча, дочь дона Акилле. Замужем за Рино, братом Лилы; у них двое сыновей

Альфонсо, сын дона Акилле. После долгой помолвки вынужден жениться на Маризе Сарраторе

Семья столяра Пелузо

Альфредо Пелузо, столяр, коммунист. Умер в тюрьме

Джузеппина Пелузо, его жена. После смерти мужа кончает с собой

Паскуале Пелузо, старший сын Альфредо и Джузеппины, каменщик, убежденный коммунист

Кармела Пелузо, она же *Кармен*, сестра Паскуале. Долгое время встречалась с Энцо Сканно, но вышла замуж за рабочего с автозаправки. У них двое детей

Другие дети

Семья с умасшедшей вдовы Капуччо

Мелина, родственница Нунции Черулло, вдова. Была любовницей Донато Сарраторе, который ее бросил, после чего окончательно лишилась рассудка

Муж Мелины, умер при невыясненных обстоятельствах

Ада Капуччо, дочь Мелины. Встречалась с Паскуале Пелузо, позже стала любовницей Стефано Карраччи и родила от него дочь Марию

Антонио Капуччо, ее брат, механик. Встречался с Эленой

Другие дети

Семья железнодорожника-поэта Сарраторе

Донатто Сарраторе, известный бабник, любовник Мелины Капуччо. В ранней юности Элена, пытаясь заглушить боль от ревности к Лиле, которая встречается с Нино, добровольно отдается ему на пляже на острове Искье

Лидия Сарраторе, жена Донато

Нино Сарраторе, старший из детей Донато и Лидии. Долгое время тайно встречался с Лилой. Женат на Элеоноре; у них растет сын Альбертино. Вступает в связь с Эленой, которая ради него оставляет мужа и двух дочерей

Мариза Сарраторе, сестра Нино. Замужем за Альфонсо Карраччи. Любовница Микеле Солары, от которого родила двоих детей

Пино, Клеллия и Чиро – младшие дети

Семья торговца овощами и фруктами Сканно

Никола Сканно, торговец овощами и фруктами. Умер от воспаления легких

Ассунта Сканно, его жена. Умерла от рака

Энцо Сканно, их сын, торгует овощами. Долгое время встречался с Кармен Пелузо. После того как Лила ушла от мужа, взял на себя заботу о ней и ее сыне Дженнаро, поселившись с ними в Сан-Джованни-а-Тедуччо

Другие дети

Семья владельца бара-кондитерской «Солара»

Сильвио Солара, владелец бара-кондитерской

Мануэла Солара, его жена, ростовщица. Убита на пороге собственной квартиры

Марчелло и Микеле, сыновья Сильвио и Мануэлы. Марчелло, в свое время отвергнутый Лилой, взял в любовницы младшую сестру Элены, Элизу. Микеле женат на дочери кондитера Джильоле, у них двое детей. Любовник Маризы Сарраторе, от которой у него еще двое детей. По-настоящему любит только Лилу

Семья кондитера Спаньюоло

Синьор Спаньюоло, кондитер у Солары

Роза Спаньюоло, его жена

Джильола Спаньюоло, их дочь, замужем за Микеле Соларой, у них двое сыновей

Другие дети

Семья профессора Айроты

Гвидо Айрота, профессор, преподает античную литературу

Аделе Айрота, его жена

Мариароза Айрота, их дочь, преподает искусствоведение, живет в Милане

Пьетро Айрота, молодой профессор университета. Муж Элены, отец Деде и Эльзы

Учителя

Ферраро, учитель и библиотекарь

Оливьеро, учительница

Джераче, преподаватель лица

Галиани, преподавательница лица

Прочие лица

Джино, сын аптекаря, первый парень, с которым встречается Элена. Главарь местной фашистской банды. Убит из засады напротив собственной аптеки

Нелла Инкардо, родственница учительницы Оливьеро

Армандо, сын профессора Галиани. Женат на Изабелле, у них сын Марко

Надя, дочь профессора Галиани, студентка, в прошлом невеста Нино. На почве политики сближается с Паскуале Пелузо

Бруно Соккаво, друг Нино Сарраторе, унаследовавший семейный колбасный завод. Убит в своем кабинете

Франко Мари, встречался с Эленой в годы ее учебы в университете, политический активист. В столкновении с фашистскими молодчиками лишился глаза

Сильвия, студентка, политическая активистка. После короткой связи с Нино Сарраторе у нее рождается сын Мирко

Зрелость

История о пропавшем ребенке

1

С октября 1976 года и до 1979-го, когда я вернулась в Неаполь, я намеренно избегала общения с Лилой, хоть это было и непросто: она настойчиво лезла в мою жизнь, а я, как могла, старалась этого не замечать. Даже когда понимала, что она искренне хочет меня поддержать. Мне было слишком трудно забыть, каким презрением она облила меня, узнав про мою связь с Нино.

Если бы она просто обозвала меня кретинкой, наорала на меня по телефону, чего, кстати, не делала *никогда* в жизни, – я бы быстро остыла. Но она лишь сказала: «Подумай о своих дочерях – что с ними-то будет?» Тогда я не обратила на эти слова особого внимания, но со временем они стали все чаще всплывать у меня в памяти. Лиле никогда не было дела до Деде и Эльзы, и я почти уверена: она и имен-то их не помнила. Если я принималась рассказывать ей об их очередных шалостях, она только коротко хмыкала и тут же переводила разговор на другую тему. Впервые увидев их в доме Марчелло Солары, она скользнула по ним рассеянным взглядом и огра-

ничилась парой общих фраз: не похвалила их красивые платья и аккуратные прически, не восхитилась, какие они умненькие и какая грамотная у них речь. А ведь это были *мои дети*, дети ее лучшей подруги, и простая вежливость требовала пусть неискренних, но теплых слов, способных потешить материнскую гордость. Но нет, она не удостоила нас даже доброжелательной улыбки. И тут вдруг вспоминает о моих дочерях – с единственной целью дать мне понять, что я плохая мать и ради своих удовольствий обрекаю их на несчастье. Само собой, она завидует, что Нино достался мне. Меня ее упреки бесили. Много она сама думала о Дженнаро, когда ушла от Стефано? Когда бежала на свой завод, бросая ребенка на соседку? Когда на целое лето сплавляла его мне? Может, я и далека от совершенства, но уж мать из меня точно получше, чем из нее.

2

В те годы я постоянно думала об этом. Своей брошенной вскользь фразой Лила как будто назначила себя адвокатом моих дочерей, и теперь каждый раз, делая что-то для себя, а не для них, я вынуждена была перед ней оправдываться. Правда, я подозреваю, что она просто ляпнула первое, что пришло в голову и что не имело никакого отношения к моим материнским способностям. Что она думала обо мне на самом деле, могла бы сказать только она сама, если бы решилась вторгнуться со своими замечаниями в мой текст, переписать отдельные сцены, вставить пропущенное, вычеркнуть, по ее мнению, лишнее, сообщить обо мне вещи, которые я предпочла бы скрыть. Хотелось бы мне, чтобы она это сделала. Я надеялась на это с той самой минуты, как села писать нашу историю. Но прежде я должна довести свой рассказ до конца. Если я попытаюсь подключить ее сейчас – все развалится. Я так давно пишу, что уже устала; мне все труднее удерживать нить повествования в хаосе прожитых лет, маленьких и больших событий, собственных настроений. Я или пропускаю целые куски своей жизни, чтобы вернуться к Лиле и к тому, что происходило с ней, или – что еще хуже – закликаюсь на своих бедах, просто потому, что их проще описывать. Но это ложный выбор, и я должна его избегать. Первый путь не подходит мне потому, что с самого начала

нашей дружбы сложилось так, что я все время ее догоняла; стоило мне остановиться хоть на минуту, и я рисковала отстать навсегда. Но и второй путь ничем не лучше: чем подробнее я буду описывать свою жизнь, тем вернее сыграю ей на руку. «Вот и правильно, – скажет она, – кого может заинтересовать моя жизнь, если даже ты не находишь в ней ничего заслуживающего внимания. Что я такое? Помарка на странице! Разве мне место в твоей книге? Плюнь на меня, Лену. Про помарки романов не сочиняют».

Что же мне делать? В очередной раз признать ее правоту? Согласиться, что взросление – это в первую очередь умение уйти в тень, слиться с пейзажем до степени полной неразличимости? И честно сказать себе, что чем дольше мы знакомы, тем меньше я знаю Лилу?

Сегодня утром, преодолев скопившуюся усталость, я снова сяду за письменный стол. Именно теперь, когда я вплотную подошла к самому болезненному этапу нашей истории, мне очень важно соблюсти точный баланс между собой и Лилой; пусть он появится хотя бы на страницах моей рукописи, если в жизни мне так и не удалось отыскать его даже в себе.

О пребывании в Монпелье я помню все, кроме самого города; можно подумать, что я никогда там не была. Кроме гостиной и просторного зала, где проходила конференция с участием Нино, в памяти остались только осенний ветер и голубое небо, покоящееся на белых облаках. Зато само слово «Монпелье» в силу разных причин стало для меня символом свободы. До того я была за границей всего один раз, в Париже, с Франко. Та поездка представлялась мне небывалой дерзостью: я жила с убеждением, что мой мир будет навсегда ограничен родным кварталом и Неаполем, а если я и выберусь из него, то совсем ненадолго, чтобы только острее ощутить, чего я лишена. Монпелье не поразил меня так, как когда-то поразил Париж, зато здесь я почувствовала, что плотину наконец прорвало и я вырвалась на волю. Я осознала, что наш квартал, Неаполь, Пиза, Флоренция, Милан, Италия – это всего лишь небольшие фрагменты огромного мира, и я не обязана всю жизнь только ими и довольствоваться. В Монпелье я ощутила всю узость своих взглядов, всю ограниченность языка, каким до сих пор пользовалась. Я поняла, что нельзя в тридцать два года сводить свою жизнь к исполнению роли жены и матери. В те дни, наполненные любовью, я впервые сбросила узы, которые таскала на себе долгие годы, – узы своего происхождения, узы своей старательности

в учебе, узы принятых решений, в первую очередь – решения выйти замуж. Только в Монпелье мне стало ясно, почему я испытывала такое удовольствие при виде изданий своей первой книги на других языках и почему так расстраивалась, узнавая, что за пределами Италии читают ее мало. Это было прекрасно – выезжать за границу, знакомиться с другой культурой и понимать: то, что я считала абсолютным, на самом деле относительно. Лила никогда не покидала Неаполя, ее и Сан-Джованни-а-Тедуччо напугал, но если раньше я считала это ее сознательным выбором и допускала, что в нем должны быть свои преимущества, то теперь мне делалось все более очевидным, что это просто признак умственной ограниченности. Как мне хотелось ей отомстить, ответив ее же словами: *«Ты говоришь, что ошибалась на мой счет? Нет, милая моя, это я на твой счет ошибалась. Ты так и проживешь всю жизнь рядом с шоссе, глядя, как мимо проезжают грузовики».*

Дни летели один за другим. Организаторы конференции забронировали Нино одноместный номер, а поскольку я присоединилась к нему в последний момент, менять номер на двухместный было поздно. Мы заселились в разные номера, но каждый вечер, приняв у себя душ, я с бьющимся сердцем шла к нему. Мы спали в обнимку, прижавшись друг к другу, будто боялись, что во сне нас разлучит злая сила. Утром мы, наслаждаясь роскошью, которую раньше я видела только в кино, заказывали завтрак в постель, много смеялись и

были счастливы. Днем я вместе с ним ходила на конференцию; докладчики, выступавшие в большом зале, нудно читали страницу за страницей. Я утешалась тем, что Нино сидит рядом, и старалась ему не мешать. Он внимательно выслушивал каждый доклад, делал заметки, но время от времени наклонялся ко мне, чтобы отпустить иронический комментарий по поводу очередного выступающего или шепнуть, как он меня любит. Обедать и ужинать мы ходили в плотной толпе ученых, съехавшихся из половины стран мира: вокруг звучала иностранная речь, иностранные имена. Разумеется, самые именитые участники конференции собирались за отдельным столом; мы делили трапезу с учеными помоложе. Меня поражало поведение Нино и в конференц-зале, и в ресторане. Это был уже не тот студент, которого я когда-то знала, и даже не тот юноша, что почти десять лет назад вступился за меня в книжном магазине в Милане. Никакой задиристости, лицо серьезное, но в то же время доброжелательное. Он тактично обходил барьеры, обычные для академической среды, и легко завязывал знакомства. Блестяще говорил, без затруднений переходя с превосходного английского на хороший французский, и показывал, что по-прежнему владеет цифрами и статистикой. Я гордилась им – мне льстило, что он всем нравится. За каких-нибудь пару часов он успевал очаровать каждого, и его без конца приглашали то туда, то сюда.

Был всего один вечер, накануне его выступления на кон-

ференции, когда я увидела Нино совсем другим. От волнения он сделался грубым – его было не узнать. Он ругал свой доклад, жаловался, что не умеет писать так ясно, как я, твердил, что ему не хватило времени подготовиться лучше. Я почувствовала себя виноватой (ведь это я отвлекла Нино от работы!) и стала его успокаивать; обняла, поцеловала и уговорила прочесть доклад вслух. Он начал читать – с видом испуганного первоклассника, которого неожиданно вызвали к доске, – чем меня растрогал. Доклад показался мне таким же нудным, как те, что я слышала в предыдущие дни, но я принялась с жаром его расхваливать, и нервозность Нино прошла. На следующее утро он так выразительно прочел доклад, что ему аплодировали. За ужином один из известных академиков, американец, пригласил Нино к себе за стол. Он сел с ним, оставив меня одну, но скучать мне не пришлось. Пока рядом был Нино, я ни с кем не разговаривала, но теперь вспомнила свой скудный французский: познакомилась с парой из Парижа. Они понравились мне сразу, еще до того, как выяснилось, что их история похожа на нашу. Оба считали институт семьи отвратительным пережитком, оба пережили болезненное расставание с бывшими супругами и детьми, оба выглядели счастливыми. Его звали Огюстен: лет пятидесяти, краснолицый, с голубыми, очень живыми глазами и пышными светлыми усами. Ее – Коломба: моя ровесница, тридцати с небольшим, коротко стриженная брюнетка, с подведенными глазами и ярко накрашенными губами; у

нее были тонкие черты лица, и она казалась завораживающе элегантной. Разговаривала я в основном с Коломбой, которая сказала, что у нее семилетний сын.

– Моей старшей дочери через несколько месяцев тоже будет семь. В этом году пойдет во второй класс. Она умница.

– Мой тоже умненький. Выдумщик невероятный!

– Как он перенес ваше расставание?

– Спокойно.

– Неужели совсем не переживал?

– Дети гораздо гибче нас, в них нет нашей закоренелости.

Она говорила о детской гибкости с таким нажимом, словно сама себя пыталась убедить, что это правда. «Среди наших знакомых много разведенных, – добавила она. – Дети знают, что так бывает». Я, со своей стороны, призналась, что из всех моих подруг с мужем развелась всего одна, но тут Коломба вдруг сменила тему и принялась сетовать на сына: «Он умный, но слишком невнимательный. Учителя постоянно жалуются, что на уроках он считает ворон». Меня неприятно поразила резкость ее тона, граничившая с ненавистью; она как будто полагала, что ее сын ведет себя так ей назло. Огюстен, должно быть, заметил мое недоумение и вмешался в разговор, упомянув о *своих* сыновьях: их у него было двое, восемнадцати и четырнадцати лет; отец уверял, что женщины от них в восторге – и совсем юные, и более зрелые. Вскоре к нам присоединился Нино, и мужчины – особенно Огюстен – начали довольно жестко высмеивать выступавших на кон-

ференции докладчиков. К ним подключилась Коломба, но ее сарказм производил впечатление наигранного. Как бы то ни было, все трое быстро нашли общий язык. Огюстен много говорил и много пил, а его подруга на любую реплику Нино раздражалась громким смехом. В конце вечера они пригласили нас съездить с ними в Париж – они приехали на машине.

Разговор о детях и это приглашение, на которое мы не ответили ни да ни нет, вернули меня с небес на землю. Я и раньше постоянно думала о Деде и Эльзе, и о Пьетро конечно, но мысленно видела их словно существующими в некоей параллельной вселенной, в подвешенном состоянии: неподвижно сидящими за кухонным столом или перед телевизором или лежащими в постели. Сейчас мой мир снова соединился с их миром. Я осознала, что пребывание в Монпелье подходит к концу и нам с Нино придется ехать домой – мне во Флоренцию, ему в Неаполь – и заниматься разводом. Я как будто прижала к себе дочерей, почувствовала тепло их тел. Последние пять дней я ничего о них не знала, и от тоски по ним меня замутило. Я боялась не будущего вообще – его я безусловно связывала с Нино, – я боялась ближайших часов и дней, того, что ждет меня завтра и послезавтра. Не удержавшись, я набрала домашний номер, хотя на часах было около полуночи: подумаешь, все равно Пьетро по ночам не спит.

Я долго слушала длинные гудки, но наконец трубку сняли. «Алло! – сказала я и еще раз повторила: – Алло!» Я знала,

что на том конце провода Пьетро. «Пьетро, – произнесла я. – Это Елена. Как девочки?» Он бросил трубку. Я подождала несколько минут и снова набрала номер, полная решимости названивать хоть всю ночь. На сей раз Пьетро ответил:

– Что тебе нужно?

– Узнать, как девочки.

– Спят.

– Понимаю, что спят, но как они вообще?

– А тебе что за дело?

– Это мои дочери.

– Ты их бросила. Они больше не хотят быть твоими дочерьми.

– Это они тебе сказали?

– Не мне. Моей матери.

– Ты вызвал Аделе?

– Да.

– Скажи ей, что я вернусь через несколько дней.

– Нечего тебе возвращаться. Мы больше не желаем тебя видеть. Ни я, ни девочки, ни моя мать.

Я расплакалась. Немного успокоившись, пошла к Нино. Мне хотелось рассказать ему об этом звонке и получить от него утешение. Я уже собралась постучать к нему в дверь, как услышала, что он с кем-то разговаривает. Я заколебалась. Он явно говорил по телефону – что именно и даже на каком языке, понять было невозможно, но я почему-то решила, что он говорит с женой. А что, если он каждый вечер ей звонит? Неужели, когда я уйду к себе в номер принимать душ, он тут же начинает названивать Элеоноре? Чтобы расстаться с ней без скандала? Или они помирились? Может, для него наша поездка – это что-то вроде лирического отступления, а потом он вернется к ней?

Я решительно постучала в дверь. Нино замолчал, затем снова заговорил, только тише. Я постучала еще раз, громче – никакой реакции. В третий раз я заколотила в дверь изо всех сил. Когда он наконец открыл, я накинулась на него с упреками: кричала, что он скрывает от меня правду, что мой муж хочет запретить мне видеться с детьми, что я поставила на карту всю свою жизнь, а он тут воркует по телефону с Элеонорой. Ночь прошла ужасно: мы в первый раз так ссорились. Нино пытался меня успокоить; то нервно смеялся, то крыл Пьетро, то тянулся меня поцеловать, но я его отталкивала и только повторяла, какая я была дура, что ему поверила. Как

бы я ни настаивала, он так и не признался, что говорил с женой, и даже поклялся собственным сыном, что с тех пор, как мы уехали из Неаполя, ни разу ей не звонил.

– Кому же тогда ты звонил?

– Коллеге. Он живет здесь, в нашей гостинице.

– В полночь? Коллеге?

– Ну да.

– Врешь!

– Нет, не вру!

Я долго отказывалась лечь с ним в постель, но потом уступила: лишь бы не думать, что нашей любви конец.

На следующее утро я впервые за неполные пять дней нашего романа проснулась в плохом настроении. Конференция заканчивалась – пора было уезжать. Я не хотела, чтобы Монпелье остался у меня в памяти «лирическим отступлением»; я боялась возвращаться домой, боялась, что Нино вернется в семью, боялась навсегда потерять дочерей. Когда Огюстен с Коломбой снова предложили нам отправиться с ними на машине в Париж и даже пригласили погостить, я посмотрела на Нино, надеясь, что он ухватится за этот повод отсрочить наше возвращение. Но он в ответ печально покачал головой: «К сожалению, ничего не получится. Нам пора в Италию». Он говорил что-то про самолет, билеты, поезда, деньги, а меня охватила обида и разочарование. «Теперь понятно, – думала я. – Он все мне наврал. Он и не собирался уходить от жены. Звонил ей каждый вечер... И должен вернуться с кон-

ференции в срок – даже на пару дней не может задержаться. А мне что делать?»

Тут я вспомнила об издательстве в Нантере и о своем эссе, посвященном мужчинам, создающим женщин. До того я ни с кем, даже с Нино, не говорила о себе. Я была улыбочливой и чуть ли не немой любовницей блестящего неаполитанского профессора, повсюду его сопровождала и поддерживала все его решения и идеи. Но сейчас я весело сказала:

«Это Нино пора возвращаться, а у меня есть дела в Нантере. Там скоро выходит (а может, уже вышла) моя книга – нечто среднее между эссе и повестью. Так что я с радостью поеду с вами. Надо заглянуть в издательство». Оба посмотрели на меня так, словно впервые по-настоящему увидели, и стали расспрашивать, чем я занимаюсь. Я рассказала. Тут же выяснилось, что Коломба хорошо знакома с владелицей этого маленького, но, как оказалось, престижного издательства. Я разошлась, заговорила горячо, возможно, слегка преувеличила свои писательские достижения. Я обращалась не столько к французам, сколько к Нино, чтобы напомнить ему, что у меня есть и своя жизнь, что, раз я осмелилась оставить девочек и Пьетро, смогу обойтись и без него, и не через неделю или десять дней, а прямо сейчас.

Выслушав мои слова, Нино посмотрел на Огюстена и Коломбу и серьезным тоном объявил: «Хорошо. Если мы вам не помешаем, то с удовольствием воспользуемся вашим приглашением». Когда мы остались наедине, он набросился на

меня с высокопарной речью о том, что я должна ему доверять, что мы преодолеем все трудности, но для этого нам нужно вернуться домой, а не бежать из Монпелье в Париж или еще бог знает куда, что нам надо поскорее разобраться с нашими семейными проблемами и начать жить вместе. Мне даже показалось, что он говорит не только разумно, но и искренне, и я устыдилась, обняла его и признала, что он прав. Но все-таки мы поехали в Париж. Я получила что хотела: еще несколько дней с ним рядом.

Поездка была долгая. Дул сильный ветер, время от времени шел дождь. Пейзаж за окном был окрашен в блекло-ржавые тона, пока небо не раскалывалось вдруг на части, озаряя все вокруг яркими вспышками, и не начинался ливень. Я тесно прижималась к Нино. Меня не покидало чувство, что я вновь вырвалась за установленные рамки, и это доставляло мне удовольствие. Мне нравилось, что в салоне звучит иностранная речь, нравилось, что мы едем навстречу моей книге, написанной на итальянском, но благодаря Мариа-розе увидевшей свет на другом языке. Все это было ново и невероятно! Собственная книга казалась мне камнем, пущенным по неизвестной траектории с невообразимой силой – по сравнению с ней камни, которыми мы с Лилой в детстве швырялись в мальчишек-забияк, были сущей ерундой.

Но путешествие протекало не так уж беззаботно. Я заметила, что с Колумбой Нино разговаривает совсем иначе, нежели с Огюстеном, и слишком часто касается кончиками пальцев ее плеча. Я злилась: слишком уж быстро спелись эти двое. В Париж они приехали лучшими друзьями, болтали без умолку, и она постоянно смеялась, машинально поправляя прическу. У Огюстена была прекрасная квартира неподалеку от канала Сен-Мартен, куда совсем недавно к нему переехала Колумба. Они показали нам нашу спальню, но не

спешили нас отпускать, словно боялись остаться наедине и предпочитали провести ночь за разговорами. Я устала и была взвинчена; я сама напросилась в Париж, а теперь недоумевала: ну разве это не абсурд – сидеть здесь, в этом доме, с чужими людьми и Нино, которому до меня дела нет, вместо того чтобы вернуться к дочкам.

– Тебе нравится Коломба? – спросила я Нино, когда мы остались одни.

– Она милая.

– Я спросила, нравится ли она тебе.

– Хочешь поссориться?

– Нет.

– Тогда сама подумай: как мне может нравиться Коломба, если я люблю тебя?

Я вздрагивала каждый раз, когда в его голосе появлялись резкие ноты, пугаясь, что между нами что-то не так. «Он просто старается быть приветливым с теми, кто с нами любезен», – успокоила я себя и заснула. Однако спала я плохо. Среди ночи мне почудилось, что в постели я одна, но, не успев проверить, так ли это, я снова провалилась в сон. Через некоторое время я все же проснулась: Нино в полной темноте стоял посреди комнаты. «Спи», – сказал он мне, и я заснула.

На следующий день хозяева повезли нас в Нантер. Нино все так же всю дорогу шутил с Коломбой и отпускал какие-то неясные намеки. Я изо всех сил старалась не обращать на это

внимания. Как мне дальше жить с ним, если я уже сейчас только и делаю, что его подозреваю? Когда мы прибыли на место, он все в той же обольстительной манере принялся заигрывать с подругой Мариарозы – владелицей издательства – и ее коллегой. Первой было около сорока, второй – под шестьдесят, ни та ни другая не шли ни в какое сравнение с обаятельной спутницей Огюстена. Я вздохнула с облегчением: «Он со всеми женщинами так ведет себя». И снова почувствовала себя счастливой.

Обе синьоры встретили меня очень приветливо, расспрашивали о Мариарозе. Я знала, что в продажу книга поступила совсем недавно, но в прессе уже появилась пара рецензий. Синьора постарше показала их мне: у меня сложилось впечатление, что мой успех стал для нее неожиданностью. Обращаясь к Коломбе, Огюстену и Нино, она несколько раз повторила, что читатели прекрасно приняли книгу. Я просмотрела статьи, выхватывая глазами по паре строк. Под ними стояли женские имена, которые мне ни о чем не говорили, зато Коломбе и издательницам были хорошо знакомы; авторы рецензий действительно дружно хвалили книгу. Мне следовало радоваться: необходимость заявить о себе, еще вчера настоящая, теперь исчезла. Но восторга я почему-то не испытывала. Как будто с тех пор, как я поняла, что люблю Нино, а он любит меня, даже самые лучшие события моей жизни, настоящие и будущие, превратились в приятное дополнение к этой любви. Я довольно сдержанно сказала, что

очень довольна, а на предложения издательниц по продвижению книги ответила невнятным поддакиванием. «Надеюсь в скором времени увидеть вас снова, – воскликнула пожилая синьора. – Будем ждать с нетерпением!» Та, что помоложе, добавила: «Мариароза сказала, что вы расстаетесь с мужем. Пусть все пройдет как можно безболезненнее».

Так я узнала, что новость о нашем разрыве с Пьетро добралась не только до Аделе, но достигла Милана и даже Франции. «Тем лучше, – подумала я, – проще будет официально оформить раздельное проживание. Все мое останется при мне, и я избавлюсь от страха потерять Нино. Я везучая: он всегда будет любить меня одну. А Эльзу и Деде я никому не отдам – в конце концов, это мои дочери. Так что все наладится».

6

Мы вернулись в Рим. Прощаясь, мы в чем только друг другу не поклялись. Нино уехал в Неаполь, я – во Флоренцию. К себе домой я входила едва ли не на цыпочках, в полной уверенности, что мне предстоит нечто ужасное. Но я ошибалась: девочки – не только Эльза, но и Деде, – очень мне обрадовались и по пятам ходили за мной по квартире, как будто боялись, что я снова исчезну; Аделе встретила меня приветливо и ни разу не заговорила о том, почему перебралась к нам; Пьетро, бледный как смерть, ограничился тем, что отдал мне листок, на котором записывал, кто мне звонил (имя Лилы повторялось в списке целых четыре раза), проворчал, что должен уехать по работе, и часа через два ушел, не попрощавшись ни с матерью, ни с дочками. Только спустя несколько дней Аделе ясно высказалась по поводу произошедшего: она считала, что я должна образумиться и вернуться к мужу. Еще несколько недель потребовалось на то, чтобы убедить ее, что я не желаю ни первого, ни второго. За все это время она ни разу не вышла из себя, не повысила голоса, не съязвила по поводу моих частых и долгих телефонных разговоров с Нино. Куда больше ее интересовали звонки издательниц из Нантера, которые сообщали мне о том, что книга хорошо расходуется, и согласовывали со мной график будущих встреч с читателями во Франции. Аделе несколько

не удивилась моему успеху и предрекла, что в Италии читатели и критика примут книгу еще лучше. Кроме того, она постоянно отпускала комплименты моему уму, общей культуре и смелости и никогда не пыталась защищать своего сына, который, кстати, дома пока больше не появлялся.

Разумеется, никаких дел за пределами Флоренции у Пьетро не было и быть не могло. Значит, думала я со злостью, слегка окрашенной презрением, он просто перевесил наши проблемы на свою мать, а сам сбежал, чтобы спокойно работать над своей бесконечной книжкой. Однажды я не выдержала и сказала Аделе:

– Жить с твоим сыном оказалось трудно.

– Мужчин, с которыми не трудно, вообще не существует.

– Но с ним – особенно, поверь мне.

– Думаешь, с Нино будет лучше?

– Да.

– Я знаю, что о нем говорят в Милане: ничего хорошего.

– Да какая разница, что там болтают в Милане? Я его люблю двадцать лет, чтобы прислушиваться к сплетням. Я знаю его лучше, чем кто бы то ни было.

– Я смотрю, тебе нравится повторять, как ты его любишь.

– А почему нет?

– И правда, почему? Ладно, зря я это затеяла. Пытаться открыть глаза влюбленному – дело бесполезное.

После этого мы больше не вспоминали Нино. Когда я уехала в Неаполь, оставив дочек с Аделе, она восприняла это

как должное. Не возражала она и когда я объявила, что после Неаполя на неделю съезжу во Францию. Только спросила с легкой усмешкой:

– К Рождеству-то вернешься? Будешь праздновать с девочками?

Вопрос меня обидел.

– Разумеется, – ответила я.

Я собрала чемодан, уложив свое лучшее белье и самые красивые платья. Все это время Деде и Эльза ни разу не спросили об отце, хотя давно его не видели, но вот известие о моем скором отъезде приняли в штыки. Деде закричала, явно повторяя чужие слова: «Ну и пожалуйста, убирайся, ты злая и гадкая!» Я посмотрела на Аделе, надеясь, что она сообразит отвлечь девочек какой-нибудь игрой, но она даже не пошевелилась. Я пошла к двери, и девочки расплакались, первой – Эльза, которая твердила сквозь слезы: «Я хочу с тобой!» Деде пока держалась, пытаюсь изображать равнодушие, если не презрение, но недолго: в конце концов она рыдалась еще громче сестры. Мне пришлось буквально вырываться, а они хватили меня за одежду и цеплялись за мой чемодан. Плач дочек сопровождал меня, пока я не вышла на улицу.

Путь до Неаполя тянулся невероятно долго. Всю дорогу я смотрела в окно. Но вот поезд замедлил ход, и меня охватила тревога. Пригороды, застроенные серыми домами, среди которых тут и там высились каркасы полуразрушенных зда-

ний, огни светофоров, каменные парапеты производили на меня гнетущее впечатление. Поезд прибыл на вокзал. Неаполь, с которым я всегда чувствовала связь, Неаполь, куда я теперь возвращалась, отныне значил для меня одно: здесь был Нино. Я знала, что ему пришлось хуже, чем мне. Элеонора выгнала его из дома, и с тех пор его жизнь, как, впрочем, и моя, потеряла всякую определенность. На несколько недель его приютил коллега по университету, живший рядом с собором. Где же Нино меня примет? И что мы будем делать? А главное – что решим, ведь мы понятия не имели, как нам выбираться из этой ситуации. Я понимала лишь, что стораю от желания видеть его. Выходя из вагона, я боялась, что он не встретит меня на вокзале. Но он был там, и я сразу его заметила: благодаря росту он на голову возвышался над толпой пассажиров.

Я немного ободрилась. Еще больше настроение у меня поднялось, когда он сказал, что снял нам номер в маленькой гостинице в Марджеллине. Значит, он не собирался прятать меня у своего друга. Мы набросились друг на друга, забыв обо всем на свете. Вечером мы отправились гулять в обнимку по набережной: он обвивал рукой мои плечи и то и дело наклонялся меня поцеловать. Я уговаривала его ехать со мной во Францию. Сначала он нашел эту мысль соблазнительной, но потом под предлогом занятости в университете пошел на попятную. Об Элеоноре и Альбертино он не обмолвился ни словом, будто одно упоминание о них мог-

ло омрачить радость нашей встречи. Я, напротив, рассказала ему, какую истерику устроили мои дочери, и добавила, что должна как можно скорее найти выход. Я прекрасно чувствовала любые перемены в его настроении, даже самые незначительные, видела, что он нервничает, и боялась, что сейчас он скажет: «Я так больше не могу. Я возвращаюсь к жене». Но я ошиблась. За ужином он наконец признался, в чем дело. Сделался вдруг серьезным и объявил, что у него для меня важная новость, которая не дает ему покоя.

– Я тебя слушаю, – приготовилась я.

– Сегодня утром звонила Лина.

– И?

– Она хочет с нами увидеться.

Вечер был испорчен. По словам Нино, о том, что я в Неаполе, Лиле сообщила моя свекровь. Он говорил словно бы нехотя, осторожно подбирая слова, и сыпал подробностями: «Она не знала, где я живу»; «Она узнала домашний номер моего коллеги через мою сестру»; «Она позвонила, когда я уже собирался ехать за тобой на вокзал»; «Я не рассказал тебе сразу, потому что не хотел тебя огорчать и портить день».

– Ты же ее знаешь, – с сожалением заключил он, – я не смог ей отказать. Мы встречаемся завтра, в одиннадцать, на выходе из метро на пьядца Амедео.

– С каких пор вы снова общаетесь? – не сдержалась я. – Вы что, уже виделись?

– Что ты такое говоришь? Нет, конечно.

– Не верю.

– Елена, клянусь тебе, что я не видел Лину с шестьдесят третьего года.

– А ты знаешь, что сын у нее не от тебя?

– Она сказала мне это сегодня утром.

– Значит, вы долго разговаривали, раз даже это успели обсудить.

– Она сама это сказала, я ни о чем ее не спрашивал.

– А тебе все это время неинтересно было что-нибудь о нем узнать?

– Это мои проблемы. Не вижу необходимости их касаться.

– Твои проблемы теперь и мои тоже. У нас и без того мало времени, а обсудить надо кучу проблем! Не для того я бросила детей на свекровь, чтобы прохлаждаться в компании Лины. Зачем ты только согласился?

– Я думал, ты обрадуешься. И вообще! Тут есть телефон. Позвони своей подруге и скажи, что мы слишком заняты, чтобы с ней встречаться.

Я поняла, что у него лопнуло терпение, и замолчала. Да, я хорошо знала Лилу. С тех пор как я вернулась во Флоренцию, она без конца мне названивала, но у меня и без нее забот хватало, поэтому я перестала снимать трубку и даже попросила Аделе отвечать, что меня нет дома. Но Лида никогда не сдавалась. Она вполне могла узнать от Аделе, что я в Неаполе, рассудить, что в нашем квартале я не появлюсь, и найти способ связаться с Нино, чтобы через него выйти на меня. И что в этом страшного? Из-за чего я, собственно, разволновалась? Я же знала, что когда-то Нино любил Лилу, а Лида любила его. И что с того? Это было давно, и ревновать было глупо. Я погладила его по руке: «Ладно, сходим завтра на пьядца Амедео».

За ужином он говорил о нашем будущем. Нино взял с меня обещание, что сразу по возвращении из Франции я подам ходатайство о раздельном проживании с мужем. Он заверил меня, что уже связался с другом-адвокатом и готов сражаться до конца, хотя будет трудно, а Элеонора и ее родня не сда-

дуются без борьбы. «Ты же понимаешь, – говорил он, – здесь, в Неаполе, все гораздо сложнее: устаревшие взгляды, дурные привычки. Родители моей жены ничем не отличаются от моих и твоих, хоть у них и полно денег, и они считаются высококлассными специалистами». После этого он принялся расхваливать родителей Пьетро. «Тебе хорошо! С Айрота иметь дело куда проще, они люди цивилизованные, культурные».

Я слушала его, но ощущала незримое присутствие Лилы. Она была здесь, за нашим столиком, и прогнать ее не было никакой возможности. Нино говорил, а я вспоминала, на какое безрассудство она пошла, чтобы быть с ним. Ее не заботило, что с ней за это сделают Стефано, брат или Микеле Солара. Слова Нино о родителях на долю секунды перенесли меня на Искью, на пляж Маронти: Лила развлекалась с Нино в Форио, а я на мокром песке отдалась Донато. Меня охватил ужас. «Вот, – думала я, – это секрет, который я никогда не смогу ему раскрыть. Как много несказанного остается между людьми, даже если они любят друг друга, и как страшно, что об этом расскажут другие и их любовь пойдет прахом. Я с его отцом, он с Лилой...» Меня передернуло от отвращения, и я перевела разговор на Пьетро, подчеркнув, что он тоже страдает. Нино вскипел: настала его очередь ревновать, и мне пришлось его успокаивать. Он требовал, чтобы я окончательно порвала с мужем, поставила последнюю точку в своем браке, я требовала того же от него. Нам казалось, это необходимо, чтобы начать новую жизнь. Мы обсуждали, что

и как должны сделать. Из-за работы Нино был привязан к Неаполю, я – из-за девочек – к Флоренции.

– Переезжай сюда, – сказал он вдруг. – Переезжай как можно скорее.

– Это нереально. Пьетро должен иметь возможность видеться с дочками.

– Договоритесь! Установите очередность: раз ты будешь привозить их к нему, раз он будет приезжать сюда.

– Он не согласится.

– Согласится.

Так и пролетел вечер. Чем глубже мы погружались в проблему, тем сложнее она казалась, чем яснее мы представляли себе совместную жизнь – каждый ее день, каждую ночь, – тем больше мечтали, чтобы все трудности рассеялись сами собой. Ресторан опустел, официанты, зевая, болтали между собой. Нино оплатил счет, и мы пошли по все еще многолюдной набережной. Я вглядывалась в темную воду, вдыхала запах моря, и мне казалось, что наш квартал стал от меня намного дальше, чем когда я уезжала в Пизу или во Флоренцию. Даже сам Неаполь предстал передо мной далеким от Неаполя, а Лила – далекой от Лилы; я поняла, что все это время рядом со мной была не она, а мои собственные страхи. А в реальности существовали только мы с Нино, вместе, рука в руке. «Пойдем спать», – прошептала я ему на ухо.

На следующий день я встала рано и закрылась в ванной. Я долго принимала душ и старательно сушила волосы, опасаясь, что слишком мощный гостиничный фен не справится с укладкой. Нино проснулся ближе к десяти и, потирая заспанные глаза, осыпал комплиментами мое платье. Он попытался затащить меня в постель, но я не поддаюсь. Как бы я ни старалась делать вид, что все нормально, во мне сидела обида на вчерашнее. Он превратил день нашей любви в день Лилы, и теперь над нами нависала встреча с ней. Я потащила его на завтрак, он покорно поплелся за мной. Он не смеялся, не подшучивал, только говорил, касаясь кончиками пальцев моих волос: «Выглядишь прекрасно». Очевидно, понимал, что я волнуюсь. Так и было: я боялась, что Лида явится на встречу в ослепительном виде. Она была элегантна от природы, не то что я. К тому же у нее теперь появились деньги, и при желании она могла позволить себе все что угодно, как в юности, когда за ней ухаживал Стефано. Я не хотела, чтобы Нино снова подпал под ее чары.

Мы вышли около половины одиннадцатого. На улице дул холодный ветер. Мы не торопясь, пешком, двинулись к пьяцца Амедео. Я дрожала даже в теплом пальто, и Нино обнимал меня за плечи. Имя Лилы мы не называли. Нино с фальшивым воодушевлением рассказывал, как изменился – в луч-

шую сторону – Неаполь при мэре-коммунисте, и продолжал твердить, что я должна как можно скорее переехать сюда вместе с девочками. Он крепко прижимал меня к себе, и я надеялась, что так мы и дойдем до метро. Мне хотелось, чтобы Лила увидела нас издали, убедилась, как хорошо мы смотримся вместе, и призналась себе: «Они прекрасная пара». Но в нескольких метрах от места встречи он высвободил руку и закурил. Я инстинктивно взяла его за руку и крепко ее сжала – так мы и вышли на площадь.

Лилу я заметила не сразу; у меня даже мелькнула мысль, что она передумала и не придет. Но тут я услышала ее голос: она окликнула меня своим обычным приказным тоном, несколько не допуская, что я могу не расслышать, не обернуться, не подчиниться ее призыву. Она стояла на пороге бара напротив спуска в метро: в коричневом пальтишке, руки в карманах, еще больше отощавшая, немного сутулая, с гладкими черными волосами, в которых пролегли дорожки серебристых прядей, собранными в конский хвост. Передо мной была повзрослевшая Лила, в облике которой сохранился отпечаток тяжелой работы на фабрике; она и не думала прихорашиваться. Она крепко обняла меня, я ответила тем же, но не стала к ней особенно прижиматься. Затем она, радостно улыбаясь, расцеловала меня – чмокнула в каждую щеку – и рассеянно протянула руку Нино.

Мы зашли в бар и сели за столик. Говорила почти все время она одна, причем так, будто мы с ней были вдвоем. За-

метив мой настороженный взгляд, она ласково улыбнулась и сказала: «Ладно, я была не права! Хватит дуться! С каких это пор ты стала такая обидчивая? Ты же знаешь, что бы ты ни делала, я на твоей стороне. Давай мириться».

Я ограничилась полуулыбкой, не ответив ни да ни нет. Она сидела напротив Нино, но ни разу не посмотрела на него и не сказала ему ни единого слова. Она пришла ради меня. Она даже попыталась взять меня за руку, но я осторожно высвободилась. Она хотела снова войти в мою жизнь, хоть ей и не нравилась дорога, которую я для себя выбрала. Она сыпала вопросами, не дожидаясь ответов, словно спешила занять собой каждый уголок, и, едва коснувшись одной темы, тут же перескакивала на следующую.

– Как у тебя с Пьетро?

– Плохо.

– А дочки как?

– Хорошо.

– Будешь разводиться?

– Да.

– Значит, вы собираетесь жить вместе?

– Да.

– Где? В каком городе?

– Не знаю.

– Возвращайся сюда.

– Это непросто.

– Я найду тебе квартиру.

- Если потребуется, я тебе скажу.
- Ты пишешь?
- Только что вышла книга.
- Новая?
- Да.
- Не слышала.
- Она пока вышла только во Франции.
- На французском?
- Разумеется.
- Новый роман?
- Скорее эссе. Хотя с элементами повести.
- А о чем?

Я отвечала коротко и в свою очередь расспрашивала ее об Энцо, Дженнаро, квартале, работе. При упоминании о сыне взгляд ее повеселел, она объявила, что скоро я его увижу: он в школе, но они с Энцо придут сюда; кроме того, меня ждет сюрприз. О квартале, напротив, Лила говорила нехотя. Упомянула только о страшной смерти Мануэлы Солары и о шуме, который она вызвала: «Было б из-за чего: мало, что ли, по всей Италии людей убивают?» Потом она неожиданно заговорила о моей матери, похвалила ее энергию и предприимчивость, хотя прекрасно знала, какие у нас сложные отношения. Еще больше меня удивило, когда она с чувством сказала, что копит деньги, чтобы выкупить квартиру, в которой всю жизнь прожили ее родители, чтобы им не о чем было волноваться. «Хочу им ее подарить, – объяснила она,

будто этот великодушный жест нуждался в оправдании. – Я там родилась, для меня это место много значит, и, если мы с Энцо будем много работать, все должно получиться». Работала она все так же по двенадцать часов в день, причем теперь не только на Микеле Солару, – у нее были и другие клиенты. «Сейчас я осваиваю „Систему 32“ – это новая машина, лучше той, что ты видела, когда приезжала в Ачерру: белый корпус с маленьким – в шесть дюймов – экраном, клавиатурой и встроенным принтером». Она говорила о последних моделях компьютеров, которые вот-вот должны появиться на рынке. Она очень хорошо разбиралась во всем этом, как всегда, загоревшись чем-то новым – пока не наскучит. По ее мнению, новые машины отличались особенной красотой. «Жалко только, – говорила она, – что все остальное вокруг – сплошное дерьмо».

Тут в беседу вмешался Нино и принялся делать то, чего я принципиально избегала: выдавать ей исчерпывающую информацию обо мне. Он рассказывал о моей книге, которая скоро выйдет в Италии, цитировал хвалебные французские рецензии, сетовал на мои проблемы с мужем и детьми, сообщил, что ушел от жены, добавив, что мы должны остаться в Неаполе, потому что другого выхода нет, поблагодарил за предложение подыскать нам квартиру и задал пару вопросов по поводу ее работы.

Я слушала его с беспокойством. Он говорил с нарочитым безразличием, чтобы доказать мне, во-первых, что он до это-

го не виделся с Лилой, а во-вторых – что она больше не имеет на него никакого влияния. Ни разу в его голосе не прозвучало тех обольстительных нот, что оживляли его разговоры с Коломбой и другими женщинами. Он не произносил красивых фраз, не заглядывал Лиле в глаза, не касался ее, а если и воодушевлялся, то только рассыпая похвалы мне.

Это не помешало мне вспомнить о пляже Читара, когда они с Лилой, беседуя на самые разные темы, заставляли меня почувствовать себя третьей лишней. Сейчас происходило нечто обратное. Даже задавая вопросы друг другу, они явно обращались ко мне, как будто только мое мнение действительно интересовало и его, и ее.

Они проговорили добрых полчаса, но не согласились ни по одному пункту. Особенно меня поразило, как по-разному они относились к Неаполю и с каким жаром отстаивали свои позиции. Моя политическая осведомленность в то время оставляла желать лучшего: заботы о детях, сбор материала для будущей книги, работа над рукописью и, конечно, буря в личной жизни вынудили меня отказаться даже от чтения газет. Зато эти двое были в курсе всех событий. Нино сыпал именами неаполитанских коммунистов и социалистов, которых хорошо знал и которым доверял. Он хвалил местное руководство, говорил, что к власти наконец пришли честные люди во главе с мэром – человеком порядочным, достойным уважения и не причастным к коррупции. «Сегодня, – заключил он, – есть реальный смысл в том, чтобы жить и работать

здесь; нельзя упускать такую редкую возможность». Лила откровенно потешалась над ним. «Неаполь, – говорила она, – как был дрянной город, так таким и остался. Если монархистам, фашистам и демохристианам не дать по рукам за все совершенные ими мерзости, если просто закрыть на это глаза, что и делают левые, то скоро город опять захватят торгаши, – произнеся это слово, она издала смешок, – все эти муниципальные бюрократы, адвокаты, счетоводы, банкиры и каморристы». Они и в этот свой спор пытались втянуть меня. Оба настаивали на том, чтобы я вернулась в Неаполь, но каждый из них имел в виду свой Неаполь: Нино – спокойное место для жизни с хорошим правительством, Лила – средоточие мести мерзавцам всех разновидностей, город, который плевать хотел на коммунистов и социалистов и предпочитал все начать с нуля.

Я пристально наблюдала за ними. Чем более острую тему они затрагивали, тем активнее Лила подключала свой прекрасный итальянский, который обычно скрывала. Я знала, что она им владеет, но именно тогда меня это поразило: каждая произнесенная ею фраза выдавала, что она образованна куда лучше, чем хочет казаться. Нино, обычно уверенный в себе и не привыкший лезть за словом в карман, сейчас подбирал выражения с осторожностью, как будто робел. «Им обоим неловко, – думала я, – они видели друг друга без одежды, а теперь, похоже, стыдятся этого. Что вообще происходит? Не водят ли они меня за нос? Им правда важно убе-

дить меня в своей правоте или они пытаются подавить бы-
лую страсть?» Я принялась старательно делать вид, что все
это мне безумно скучно. Заметив это, Лила встала и вышла,
как будто в туалет. Я не проронила ни слова, боялась выста-
вить себя перед Нино истеричкой, но он тоже молчал. Вско-
ре Лила вернулась и радостно объявила:

– Вставайте! Идем, нас Дженнаро ждет.

– Мы не можем, – сказала я, – у нас дела.

– Мой сын тебя очень любит, он расстроится.

– Передавай ему привет. Скажи, что я тоже его люблю.

– Мы встречаемся на пьяцца Мартири, тут всего-то десять
минут ходьбы. Поздороваетесь с Альфонсо и пойдете.

Я посмотрела на нее. Она прищурила глаза, превратив их
в две узкие щелочки. Так вот в чем был ее план? Она хотела
затащить Нино в старый обувной магазин Солара, где они
почти год встречались тайком и занимались любовью?

– Как жалко, – улыбнулась я. – Но нам правда пора бе-
жать. – Я бросила взгляд на Нино, и он подозвал официанта,
чтобы расплатиться.

– Я уже заплатила, – сказала Лила. Нино запротестовал,
но она его не слушала и, обращая ко мне одной, ласково
добавила: – Дженнаро придет не один, его приведет Энцо. С
ними будет еще один человек, который умирает от желания
тебя видеть. Он ужасно огорчится, если ты уедешь, так с ним
и не поговорив.

Этим человеком оказался Антонио Капуччо, парень, с ко-

торым я встречалась, когда мы были подростками: после убийства матери Солара срочно вызвали его из Германии.

Ли́ла рассказала, что Антонио приехал на похороны один и что его стало не узнать, так он исхудал. За несколько дней он нашел себе квартиру неподалеку от Мелины, жившей со Стефано и Адой, и перевез в квартал жену-немку и троих детей. Значит, он и правда женился и у него были дети. Разрозненные фрагменты моей жизни соединялись у меня в голове. Антонио был значимой частью мира, из которого я происходила: когда Ли́ла назвала его имя, тягостное настроение, владевшее мной с самого утра, немного отпустило. «Только на несколько минут, ладно?» – сказала я Ни́но. Он пожал плечами, и мы направились к пьядца Мартири.

Пока мы шли по виа дей Милле и виа Филанджери, Ли́ла говорила только со мной. Ни́но плелся за нами – руки в карманах, голова опущена, – а она с обычной непринужденностью болтала и болтала. Говорила, что я обязательно должна познакомиться с семьей Антонио, описывала мне его жену и детей. Жена была красавица со светлыми – еще светлее, чем у меня, – волосами, и все трое детей родились блондинами, ни один не пошел в отца, черноволосого, как сарацин: когда они впятером, жена и дети – белокожие, с золотящимися на солнце волосами, – прогуливались вдоль шоссе, он казался конвоиром, сопровождающим военнопленных. Ли́ла засмеялась, а потом начала перечислять тех, кто, помимо

Антонио, жаждал со мной поздороваться: Кармен – она спешила на работу и могла побыть с нами всего пару минут, как и Энцо; разумеется, Альфонсо, по-прежнему управлявший магазином Солара; Мариза с детьми. «У тебя это много времени не займет, а они будут рады! – увещевала меня Лила. – Все они тебя любят».

Слушая ее, я думала о том, что все эти люди, мои бывшие друзья и знакомые, должно быть, уже разнесли по кварталу новость о том, что мой брак кончился крахом; наверняка эта новость дошла и до моих родителей, а значит, мать знает, что я закрутила любовь с сыном Сарраторе. Но вдруг я поняла, что меня это абсолютно не беспокоит, даже наоборот, мне хочется, чтобы меня видели с Нино и шептали у меня за спиной: «Она что хочет, то и делает! Бросила мужа и детей, связалась с другим». Я *хочу*, с удивлением обнаружила я, чтобы меня открыто связывали с Нино, чтобы нас видели вместе; пусть вместо пары Элена-Пьетро появится пара Нино-Элена. Я успокоилась и подумала, что это даже хорошо, что Лила заманила меня в свою ловушку.

Она не переводя духу сыпала словами и в какой-то момент по старой привычке взяла меня под руку. Я никак на это не реагировала. «Она хочет убедиться, что между нами ничего не изменилось, – подумала я, – но пора честно сказать себе, что мы больше не интересны друг другу, потому-то ее рука как будто деревянная – призрак былой близости». По контрасту мне вспомнилось, как много лет назад я испытала

жгучее желание, чтобы Лила заболела и умерла.

Тогда наша дружба сопровождалась болью, но хотя бы была живой – не то что сейчас, когда весь жар своей души, даже тот, что подогревал это ужасное желание, я отдала мужчине, в которого всегда была влюблена. Лила полагала, что все еще обладает прежней силой, чтобы заставить меня делать то, чего хочет она. В конце концов, разве она могла всерьез рассчитывать, что ее юношеская любовь перерастет в нечто серьезное? То, что еще минуту назад казалось мне страшным коварством с ее стороны, вдруг предстало в совершенно новом свете, и я поняла, что мне нечего бояться. Все это не имело никакого значения. Значение имели только Нино и я. Даже скандальная известность в тесном мирке нашего квартала была мне на пользу, потому что служила лишним доказательством того, что мы с ним пара. Я перестала слушать трескотню Лилы и лишь с неприязнью ощущала на своей руке ее руку – какую-то бесплотную, будто тряпичную.

Мы подошли к пьядца Мартири. Я повернулась к Нино и сказала, что здесь должна быть и его сестра с детьми. В ответ он пробурчал что-то нечленораздельное. Показалась вывеска «Солара». В магазине все обступили меня, а на Нино только искоса поглядывали. Одна Мариза заговорила с братом, но вряд ли он этому обрадовался. Она накинулась на него с обвинениями, что он совсем пропал. «Мама болеет, с отцом сладу нет, а тебе плевать!» – негодовала она. Он молча поцеловал племянников и, лишь видя, что Мариза не уни-

мается, проворчал: «У меня своих проблем по горло, Мари, давай не будем». Остальные буквально рвали меня на части, но я ухитрилась следить за Нино – уже не из ревности, а из сочувствия: я видела, что ему не по себе. Я понятия не имела, помнит ли он Антонио: о том, что это он, мой бывший жених, когда-то избил его, знала я одна. Они кивнули друг другу и обменялись приветливыми улыбками. Нино раскланялся с Энцо, Альфонсо и Кармелой. Для Нино все они были чужаками, принадлежащими к нашему с Лилой миру, для него практически неизвестному. Потом он закурил и принялся расхаживать по магазину. Никто, даже сестра, больше не сказал с ним ни слова. Я смотрела на него и думала: «Вот человек, ради которого я бросила мужа». И все остальные, включая Лилу – особенно Лилу, наверняка думали то же самое. Теперь, когда каждый рассмотрел его как следует, мне хотелось одного – уйти отсюда как можно скорее и увести его с собой.

В те полчаса, что мы провели в магазине, будущее и прошлое перемешались: придуманные Лилой модели туфель, ее свадебное фото, вечер торжественного открытия магазина, выкидыш Лилы, ее идея превратить магазин в модный салон, а заодно укромное место для свиданий, заботы, одолевающие нас сегодня, когда нам за тридцать, наши жизни, так не похожие одна на другую, слова, сказанные вслух и оставшиеся произнесенными. Я старалась выглядеть приветливой и веселой. Обняла и поцеловала Дженнаро, который превратился в тучного мальчишку двенадцати лет с полоской черного пушка над верхней губой; он был вылитый Стефано-подросток, как будто родившая его Лила не имела к нему никакого отношения. Я считала своим долгом быть такой же ласковой с Маризой и ее детьми, чему она так обрадовалась, что не удержалась от намеков: «Ты ведь теперь будешь чаще приезжать в Неаполь? Прошу, не забывай и нас! Конечно, вы люди занятые, но хоть ненадолго и к нам заглядывайте». Она стояла рядом с мужем и следила за детьми, чтобы не сбежали на улицу. Я пыталась отыскать в ее чертах сходство с Нино; но тщетно – в ней не было ничего общего ни с братом, ни с матерью. Она немного растолстела и стала похожа на Донато, от которого унаследовала многословную напыщенность, с какой расписывала мне свою прекрасную жизнь и

чудесную семью. Альфонсо молча кивал головой и улыбался мне, показывая белоснежные зубы. Меня совсем сбил с толку его внешний вид. Выглядел он очень элегантно: длинные черные волосы, забранные в конский хвост, изящные черты лица... Но что-то в его жестах, в лице было такое, что меня встревожило. В этом помещении, кроме нас с Нино, он был единственным человеком с образованием, и лежащий на нем отпечаток культуры с годами не только не потускнел, но, как мне показалось, стал еще более заметным. Он был красив и умен. Мариза долго его добивалась, он от нее бегал, и вот теперь они – супружеская пара: она – постаревшая, погрубевшая, все более мужеподобная; он – напротив, по-женски изящный и тонкий. И двое детей, которых, если верить слухам, Мариза родила от Микеле Солары. «Да, – тихо добавил Альфонсо, присоединяясь к приглашению жены, – приходи-те к нам как-нибудь на ужин – мы будем счастливы!» Его перебила Мариза: «Когда ты напишешь новую книгу, Лену? Мы все уже заждались! Только ты должна расти над собой; сначала все болтали, что твоя книга похабная, а видела, какую сейчас печатают порнографию?»

Никто из присутствующих не проявил к Нино ни малейшей симпатии, но и осуждать меня за легкомыслие никто не стал: я не поймала ни одного косо-го взгляда, не услышала ни одного смешка. Напротив, когда я, прощаясь, обошла всех по очереди и обняла, каждый старался сказать мне что-нибудь доброе. Энцо крепко стиснул меня; его молчаливая

улыбка была красноречивее любых слов: «Помни, я всегда буду за тебя, что бы ты ни сделала». Кармен поспешила отвести меня в сторонку; без конца глядя на часы, она быстро и нервно заговорила о брате, какой он умный и как во всем разбирается, а если и делает что-то не то, то не потому, что он дурной человек. Она даже не обмолвилась ни о детях, ни о муже, не рассказала, как она живет, не спросила, как живу я. Мне стало ясно, что вся тяжесть репутации Паскуале, которого считали террористом, легла на ее плечи, и она всеми силами старалась его оправдать. За краткие минуты нашего разговора она успела несколько раз повторить, что ее брата преследуют несправедливо, потому что он смелый и добрый. Глаза ее горели решимостью; я поняла, что она всегда и во всем будет его поддерживать. Она попросила дать ей мой адрес и номер телефона. «Ты, Лену, большая шишка, – шепотом сказала она, – у тебя есть знакомые, которые могут ему помочь, если его не убьют». Она махнула рукой Антонио, который стоял неподалеку, в паре шагов от Энцо. «Иди сюда, – подозвала она его, – скажи ей то, что мне говорил». Антонио подошел и, не поднимая головы, тихим голосом произнес несколько фраз, общий смысл которых сводился к следующему: я знаю, что Паскуале тебе доверяет, он приезжал к тебе перед тем, как сделать то, что он сделал, если увидишь его, предупреди, что он должен исчезнуть, уехать из Италии, я и Кармен это все время повторяю: ему надо бояться не карабинеров, а Солара. Они уверены, что это он убил синьору

Мануэлу, и, если они его найдут – сегодня, завтра или через несколько лет, – я ничем не смогу ему помочь. Он говорил очень серьезно, а Кармен то и дело перебивала его, спрашивая: «Понимаешь, Лену?» Она и правда была страшно встревожена. Под конец она обняла меня, поцеловала, шепнула. «Вы с Линой мне как сестры» – и ушла вместе с Энцо: они оба торопились на работу.

Мы с Антонио остались стоять рядом. Мне казалось, что я вижу перед собой сразу двух разных людей, заключенных в одном теле. Первым был парень, который тискал меня на прудах и видел во мне чуть ли не божество; его запах намертво засел в моей памяти символом так и не удовлетворенного желания. Вторым был мосластый мужчина, весь как будто составленный из крупных костей, плотно обтянутых кожей, от сурового лица с отсутствующим взглядом до ног в огромных сапогах. Я немного растерянно сказала, что у меня нет знакомых, способных помочь Паскуале, и что Кармен переоценивает мои возможности. Но если Кармен преувеличивала мою влияние, то Антонио, очевидно, и вовсе считал ее безграничной. Он пробормотал, что я, как всегда, скромничаю, что он читал мою книгу по-немецки, что меня знают по всему миру. Он много лет прожил за границей, где наверняка натворил по поручению Солара немало грязных дел, но был единственным во всем нашем квартале, кто все еще верил – или делал вид, что верит, чтобы доставить мне удовольствие, – что я обладаю особой властью, властью ува-

жаемого человека, потому что я закончила университет, говорю на хорошем итальянском и пишу книги.

– Ту книгу в Германии один ты и купил, – шутливо сказала я и принялась расспрашивать его о жене и детях. Он отвечал коротко и за разговором незаметно вывел меня на улицу.

– Признайся хоть теперь, что я был прав, – деликатно сказал он.

– В чем?

– Тебе был нужен он, а меня ты обманывала.

– Я была девчонкой.

– Нет, ты была взрослой. И умной. Умнее меня. Ты не представляешь, какую боль ты мне причинила, когда заставила поверить, что я спятил.

– Перестань.

Он замолчал, и я пошла назад, к магазину. Он остановил меня на пороге. Несколько мгновений в упор смотрел на Нино, сидевшего в уголке, а потом шепнул:

– Если он тебя обидит, скажи мне.

– Обязательно, – усмехнулась я.

– Не смейся. Я разговаривал с Линой. Она хорошо его знает. Она считает, ему нельзя доверять. Мы тебя уважаем, а он нет.

Лиля. Так вот в чем дело. Значит, она использовала Антонио в качестве рупора. Решила предупредить, что меня ждут большие огорчения. Кстати, где она? Я огляделась: она держалась поодаль, вроде бы играла с детьми Маризы, но на са-

мом деле следила своими глазами-щелочками за каждым из нас. Она, как всегда, всех держала под контролем: Кармен, Альфонсо, Маризу, Энцо, Антонио, своего сына, чужих детей, а может, даже владельцев магазина. Я напредила себе, что она больше не имеет надо мной никакой власти, что те времена остались в прошлом. Когда мы прощались, она с такой силой сжала меня в объятьях, словно хотела вдавить внутрь себя. Перед уходом я еще раз посмотрела на Альфонсо и наконец поняла, что в его лице так меня поразило. То небольшое, что выдавало в нем сына дона Акилле и Марии, брата Стефано и Пинуччи, куда-то исчезло. Теперь, с этими длинными волосами, забранными в конский хвост, он каким-то волшебным образом стал похож на Лилу.

Я вернулась во Флоренцию, и у нас с Пьетро состоялся разговор о раздельном проживании, переросший в тяжкую ссору. Аделе, чтобы избавить девочек, а может, и себя от этого зрелища, закрылась с ними в комнате. Потом настал момент, когда мы оба поняли: проблема не в том, что мы зашли слишком далеко, а в том, что присутствие детей не позволяет нам зайти так далеко, как требуется. Мы вышли на улицу и продолжили выяснять отношения, пока Пьетро, развернувшись, не ушел в неизвестном направлении. Взбешенная, я вернулась домой, твердя себе, что не желаю больше его видеть и слышать. Дочки спали, Аделе сидела на кухне за книгой.

– Видишь, как он со мной обращается? – сказала я.

– А ты?

– Я?

– Да, ты. Ты не видишь, как ты с ним обращаешься? Что ты с ним сделала?

Я вышла из кухни и, хлопнув дверью, закрылась в спальне. Меня поразило презрение, прозвучавшее в ее словах, поразило и оскорбило. Впервые она открыто выступила против меня.

На следующий день я уехала во Францию, преисполненная чувством вины перед дочками, рыдавшими мне вслед, и

сгибаясь под тяжестью сумки с книгами, которые собиралась прочитать в дороге. Но напрасно я пыталась сосредоточиться на чтении; с каждой страницы на меня смотрели Нино, Пьетро и дочери; в ушах звучал голос Кармен, защищавшей брата, и предостережения Антонио; из головы не шел Альфонсо, не похожий сам на себя. В Париж я приехала измотанная и расстроенная. Но уже на вокзале, заметив на платформе издательницу – ту, что помоложе, – я немного повеселела; меня вновь охватило воодушевление, испытанное в Монпелье, когда я поняла, что вырвалась за рамки, установленные для меня другими. Правда, на сей раз не было ни шикарных гостиниц, ни огромных аудиторий: все выглядело значительно скромнее. Дамы повезли меня в тур по городам большим и поменьше: целыми днями в дороге, каждый вечер – новая встреча в книжном магазине или даже на частной квартире. Ели мы то, что готовили сами, спала я на какой-нибудь кушетке, изредка – на диване.

Я очень устала, почти перестала следить за собой, похудела. Но издательницы и публика относились ко мне с неизменной симпатией. Перебираясь с места на место, постоянно общаясь с разными людьми на чужом языке, на котором, впрочем, я быстро научилась бегло изъясняться, я заново открывала в себе способность, проявившуюся несколько лет назад, когда я занималась продвижением своей первой книги: самым естественным образом строить на основе событий собственной жизни обобщения, интересные слушателям. Я

импровизировала, и с каждым днем это получалось у меня все лучше. Я рассказывала о мире, из которого вышла, о его нищете и убожестве, о злобе, живущей в мужских и женских сердцах; вспоминала Кармен и ее готовность защитить брата, обвиняемого в страшном преступлении, которого он, по ее мнению, не совершал. Я говорила о своем детстве, об унижительном положении женщины в семье, о материнстве, о добровольной покорности женщин перед лицом мужчин. Говорила о том, на какие подлости может пуститься женщина из любви к мужчине. Я рассказывала о своем опыте общения с феминистками Флоренции и Милана, одновременно начиная понимать, что раньше сама его недооценивала; их привычка к болезненному самокопанию многому меня научила. Я признавалась, что всю жизнь, чтобы заставить себя уважать, старалась мыслить как мужчина, но продолжаю ощущать себя созданием мужчин, порождением их фантазий – с этой темы я начинала каждое свое выступление. Еще я рассказывала, что недавно встретила одного друга детства, который не жалеет сил, чтобы вытравить из себя мужское начало и превратиться в женщину.

Я многое почерпнула из той получасовой встречи в магазине Солара, хотя заметила это не сразу, возможно, потому, что ни разу не вспомнила о Лиле. Не знаю почему, но я ничего не говорила о нашей дружбе. Она – во всяком случае, так мне казалось, – очень хотела, чтобы я погрузилась в будущую море ее проблем и проблем наших бывших друзей,

но не сообразила, что, повидавшись с ними, я могу сделать совсем не те выводы, на какие она рассчитывала.

Например, догадалась ли она, что я с первого взгляда раскусила Альфонсо? Скорее всего, нет – она об этом даже не думала. Она заперла себя в нашем квартале, как будто нырнула на дно глубокого *lota* – графина, и довольствовалась этим. С другой стороны, в эти дни во Франции, даже сознавая всю сумятицу своей жизни, я твердо знала, что обладаю необходимыми инструментами, чтобы перестроить ее по своим законам. Эта уверенность подпитывалась небольшим, но бесспорным успехом моей книжки, позволяя меньше волноваться о будущем: раз я умею приводить в порядок слова, смогу навести порядок и в своей жизни. Да, рушится брак и семья, говорила я себе, рушатся культурные основы и возможности социально-демократических преобразований общества, но все это не исчезает без следа, а принимает новую, неожиданную форму: мы с Нино и наши дети, которые станут общими детьми; установление гегемонии рабочего класса, социализм и коммунизм. И появление невиданного раньше субъекта – женщины, и эта женщина – я. Я колесила по стране и каждый вечер делилась со слушателями захватившей меня идеей о полном разрушении привычного порядка и зарождении нового.

После таких встреч, вымотанная, я звонила Аделе и разговаривала с дочками. На мои вопросы они отвечали односложно и только повторяли, как заученную считалку: «Когда

ты вернешься?» Близилось Рождество, я все настойчивее намекала своим издательницам, что мне пора домой, но они ни в какую не хотели меня отпускать. Они прочли мою первую книгу, загорелись идеей ее переиздания и потащили меня в то издательство, которое несколько лет назад выпустило ее на французском языке, – без особого успеха. Я участвовала в переговорах, но вела себя робко, в отличие от моих напористых издательниц, которые умели где надо надавить, а где надо подольститься. В итоге нам удалось, подключив миланское издательство, прийти к соглашению: в следующем году книга должна была выйти в новом издательстве.

Я рассказала об этом Нино по телефону. Сначала мне показалось, что он рад за меня, но потом – слово за слово – в нем прорвалось недовольство.

– Похоже, я тебе больше не нужен, – сказал он.

– Шутишь? Да я жду не дождусь, когда снова смогу обнять тебя.

– Ты так увлечена своими делами, что для меня в твоей жизни нет места.

– Ошибаешься. Только благодаря тебе я написала ту книгу. Если бы не ты, я так ни в чем бы и не разобралась.

– Может, встретимся в Неаполе? Или в Риме, прямо сейчас, до Рождества?

Неаполь отпадал. Решение вопросов, связанных с переизданием книги, требовало времени, а мне пора было возвращаться домой. Но я не смогла отказаться, и мы договори-

лись встретиться в Риме хотя бы на несколько часов. Я села в спальный вагон и утром 23 декабря, разбитая, прибыла в столицу. Шли часы, но Нино на вокзале не появлялся; мое волнение сменилось отчаянием. Я уже собиралась сесть в поезд до Флоренции, когда он влетел на платформу, весь взмокший, хотя было холодно. В последний момент на него обрушилась куча проблем, и ему пришлось ехать на машине: на поезде он бы уже не успел. Мы быстро перекусили и сняли номер в гостинице на виа Национале, в двух шагах от вокзала. Я хотела уехать после ужина, но была не в силах бросить его и отложила поездку на завтра. Ночь мы провели вместе и проснулись счастливые. Это было прекрасно – пошевелить ногой и сквозь дрему понять, что он здесь, в постели, рядом со мной. Был канун Рождества, и мы отправились за подарками. Час моего – и его – отъезда откладывался все дальше. Только вечером я с пакетами и чемоданом села к нему в машину, и он довез меня до вокзала. Его машина тронулась с места и растворилась в транспортном потоке, а я потащила вещи через пьяцца Република и на несколько минут опоздала на поезд. Надежды рухнули: следующий прибывал во Флоренцию ночью. Пришлось смириться и идти звонить домой. Ответил Пьетро.

– Ты где?

– В Риме. Поезд застрял на вокзале, стоит. Не знаю, когда поедет.

– Ох уж эти железнодорожники! Значит, сказать девоч-

кам, чтобы к рождественскому ужину тебя не ждали?

– Да, я могу не успеть.

Он расхохотался и положил трубку.

Я ехала в совершенно пустом, холодном поезде: даже контролер не проходил. Я чувствовала себя так, будто потеряла все и сама превращаюсь в ничто, в заложницу собственной опустошенности, что еще больше усиливало чувство вины. Во Флоренции я оказалась глубокой ночью; в пределах видимости – ни одного такси. Я поволокла чемодан по промозглым безлюдным улицам; рождественский колокольный звон давно смолк. Дверь я открыла ключом. В квартире было темно и пугающе тихо. Я прошла по комнатам: никаких следов ни девочек, ни Аделе. Усталая, вне себя от страха и злости, я искала хотя бы записку, объясняющую, куда все подевались. Но ничего не нашла.

В доме царил идеальный порядок.

В голову лезли самые ужасные мысли. Деде и Эльза заболели, и Пьетро с матерью повезли их в больницу. Или в больницу угодил мой муж, сделав какую-нибудь глупость, а Аделе поехала к нему вместе с девочками.

Я бродила по дому, снедаемая тревогой и неизвестностью. Потом я подумала, что, если что-то случилось, свекровь могла предупредить Мариарозу. Было три часа ночи, но я решила ей позвонить. Золовка долго не отвечала: добудиться ее оказалось непросто. В итоге я все же вытянула из нее, что Аделе решила отвезти девочек на праздники в Геную – они уехали два дня назад, чтобы дать нам с Пьетро спокойно обсудить наши дела, а Деде и Эльзе – провести рождественские каникулы в спокойной обстановке.

Это известие, с одной стороны, успокоило меня, с другой – взбесило. Пьетро мне врал: когда я звонила ему, он уже знал, что не будет никакого рождественского ужина, что девочки меня не ждут, потому что они уехали с бабушкой. А Аделе? Как она могла увезти моих детей? Я высказала все это в трубку Мариарозе, которая слушала меня молча. «Я не права? – спросила я ее. – Разве я это заслужила?» Когда она заговорила, голос ее звучал серьезно, но обнадеживающе. Она сказала, что я имею право жить собственной жизнью и обязана продолжать учиться и писать. Если у меня возник-

нут трудности, добавила она, ее дом открыт для меня и моих дочерей.

Ее слова успокоили меня, но заснуть я все равно не могла. Сердце ныло от обиды, желания быть с Нино и злости: ведь он, несмотря ни на что, встречал Рождество с семьей, с Альбертино, а я торчу тут в одиночестве, никому не нужная, в пустом доме. В девять утра я услышала, как открывается дверь: вернулся Пьетро. Я тут же набросилась на него с криком: «Почему ты отпустил девочек со своей матерью без моего разрешения?» Пьетро был всклокоченный, небритый, от него разило вином, хотя пьяным он не казался. Я все орала и орала; он со мной не спорил, только повторял как заведенный: «У меня куча дел, я не могу ими заниматься, а у тебя любовник, тебе тоже не до них».

Я заставила его сесть со мной на кухне, попыталась успокоиться и сказала:

– Нам надо договориться.

– Что ты имеешь в виду? О чем договориться?

– Девочки будут жить со мной, а ты будешь видеться с ними по выходным.

– По выходным... А где?

– У меня.

– А где ты будешь жить?

– Не знаю, пока не решила: здесь, в Милане, в Неаполе...

Одного этого слова – Неаполь – оказалось достаточно.

Услышав его, Пьетро вскочил на ноги, вытаращил глаза, от-

крыл рот, будто собирался меня укусить, и занес надо мной кулак; его лицо приняло такое свирепое выражение, что я испугалась. Мне никогда не забыть то бесконечное мгновение. Капала из крана вода, гудел холодильник, во дворе кто-то смеялся. Пьетро был крупный, с большими белыми костяшками пальцев. Однажды он уже поднимал на меня руку, и я подумала, что сейчас он меня убьет. Я вскинула вверх руки, закрывая голову. Но он вдруг развернулся и ударил раз, второй и третий по металлическому шкафчику, в котором я держала швабры. Он бы продолжал колотить по нему и дальше, если бы я не вцепилась в него и не закричала: «Прекрати, ты себя покалечишь!»

Этот приступ бешенства привел к тому, что мои мрачные предчувствия оправдались: мы поехали в больницу. Ему наложили гипс и отпустили, и дома Пьетро даже повеселел. Я вспомнила, что сегодня Рождество, приготовила поесть. Мы сели за стол, и он ни с того ни с сего заявил:

– Вчера я звонил твоей матери.

Я подскочила на месте:

– Как тебе такое в голову взбрело?

– Брось, должен же кто-то поставить ее в известность. Я рассказал ей, что ты со мной сделала.

– Я сама должна была с ней поговорить.

– Зачем? Чтобы наврать ей, как врала мне?

Я готова была вспылить, но удержала себя в руках: боялась, что он снова начнет ломать себе кости, чтобы не пере-

ломать их мне. Но он лишь улыбнулся и посмотрел на свою руку в гипсе.

– Выходит дело, за руль я сесть не смогу.

– А куда ты собрался?

– На вокзал.

Как выяснилось, моя мать в день Рождества села на поезд – хотя была как никогда нужна дома, где на ней висело столько дел, – и поезд вот-вот прибывал.

Мне хотелось сбежать. Например, в Неаполь. А что, удеру в город матери, пока она не добралась до моего, побуду с Нино, немного успокоюсь. Но я никуда не поехала. Не настолько я изменилась, чтобы, наплевав на приличия, прятаться от людей. «И вообще, что она мне может сделать? – убеждала я себя. – Я взрослая женщина. А может, еще привезет всяких вкусностей, как десять лет назад в Пизу, на Рождество, когда я болела».

Я села за руль и вместе с Пьетро поехала на вокзал встречать мать. Она вышла из поезда, чопорная, в новом пальто, с новой сумкой, в новых сапогах и даже немного припудренная. «Отлично выглядишь, – сказала я ей, – очень элегантно». – «Не твоими стараниями», – отрезала она. Больше она не сказала мне ни слова, зато была очень приветлива с Пьетро. Спросила, что у него с рукой, он сказал, что налетел на дверь. «Налетел, – проворчала она на неуверенном итальянском, – знаю я, кто на тебя налетел».

Дома она оставила свою наигранную сдержанность. Хромая взад-вперед по гостиной, прочитала мне длинную нотацию. Пела дифирамбы моему мужу, бесстыдно преувеличивая его достоинства, и приказывала мне немедленно просить у него прощения. Убедившись, что меня не собьешь, начала сама умолять его простить меня, клялась Пеппе, Джанни

и Элизой, что не вернется домой, пока мы не помиримся. Поначалу мне казалось, что она попросту насмехается и надо мной, и над Пьетро. Список его добродетелей был в ее изложении бесконечным, правда, надо признать, что и перечисляя мои, она тоже не поскупилась. Тысячу раз повторила, что мы, такие умные и образованные, созданы друг для друга. Призывала подумать о будущем Деде (ее любимице, – про Эльзу она как будто забыла), ведь девочка все понимает, и нельзя заставлять ее страдать.

Пока она говорила, муж согласно кивал, хотя выражение лица у него было скептическое, как будто он смотрел спектакль, в котором актеры явно переживают. Она обнимала его, целовала, благодарила за великодушие, перед которым – кричала она мне – я обязана стать на колени. Она толкала нас друг к другу, чтобы мы обнялись и поцеловались. Я сердито уворачивалась, не переставая думать: «Терпеть ее не могу, на дух не переносу! Ну почему в такие минуты, да еще на глазах у Пьетро, я должна расплачиваться за то, что эта женщина меня родила?» И все же я внушала себе, что должна успокоиться: «Она в своем репертуаре, скоро устанет и пойдет спать». Только когда она в тысячный раз попыталась схватить меня и заставить признаться, что я виновата, но больше так не буду, я отскочила в сторону и сказала: «Хватит, мам, это бесполезно. Я не могу больше быть с Пьетро, я люблю другого».

Это была моя ошибка. Я ведь ее знала, она только ждала

повода. Все вмиг изменилось: с увещеваниями было покончено. Она влепила мне пощечину и что было мочи заорала: «Заткнись, шлюха, заткнись, заткнись, заткнись!» Она попыталась вцепиться мне в волосы и завопила, что я ей надоела, потому что я ломаю себе жизнь и бегаю за сынком Сарраторе, который еще хуже, намного хуже, чем его поганый папаша. «Раньше я думала, – разорялась она, – что это твоя подруга Лина потащила тебя по дурной дороге, но нет: это ты, *ты* ее испортила. Без тебя она стала порядочной женщиной. Лучше бы я в детстве тебе ноги переломала! У тебя золотой муж, он сделал из тебя синьору, поселил в прекрасном городе, он тебя любит, подарил тебе двух дочерей, и на кого ты собираешься его поменять, дура? А ну иди сюда, я тебя родила, я и убью!»

Она подскочила ко мне вплотную, и мне показалось, что сейчас она и вправду меня убьет. В тот миг я ощутила всю искренность ее разочарования, всю искренность материнской любви, готовой превратиться в лютую ненависть за то, что я не желала ей подчиняться и делать то, что она считала для меня благом, за то, что я отказывалась от того, чего у нее никогда не было и благодаря чему она считалась самой удачливой матерью в нашем квартале. Она готова была изничтожить меня за то, что я разбрасываюсь доставшимся мне божьим даром. Я оттолкнула ее и закричала еще громче, чем она. Это был инстинктивный жест, но она потеряла равновесие и упала на пол.

Пьетро испугался. На его лице мелькнул страх: у него на глазах его мир столкнулся с моим миром. Он никогда в жизни не видел таких сцен, не слышал таких слов и криков, не представлял себе, что такое бывает. Мать, падая, уронила стул. Из-за больной ноги она никак не могла подняться и беспомощно взмахивала рукой, пытаясь ухватиться за край стола. Но она и не думала сдаваться и продолжала выкрикивать угрозы и оскорбления. Она не замолчала даже после того, как ошеломленный Пьетро протянул ей здоровую руку и помог встать. Сдавленным от бешенства голосом, в котором звучала настоящая боль, задыхаясь, она проговорила: «Ты мне больше не дочь. Он теперь мой сын. Отцу и братьям ты тоже больше не нужна. Пусть сынок Сарраторе заразит тебя гонореей и сифилисом! Боже, чем я так согрешила, что дожила до этого дня! Боже, Боже, я хочу умереть!

Прямо сейчас, на этом самом месте!» Ей было так плохо, что она – невероятно, но правда – громко разрыдалась.

Я ушла в спальню и заперлась на ключ. Я не знала, что делать. Я и представить себе не могла, что разрыв с мужем превратится в такую пытку. Я была напугана и раздавлена. До каких темных глубин я опустилась, если повела себя в точности как моя мать, решившись на физическое насилие? Я успокоилась, лишь когда Пьетро постучал ко мне в дверь и тихо, с неожиданной мягкостью в голосе сказал: «Можешь мне не открывать, не надо. Я должен только сказать, что не хотел этого. Это слишком, даже ты этого не заслуживаешь».

Я надеялась, что мать смягчится, что утром настроение у нее, как обычно, изменится и она тем или иным способом покажет, что любит меня и гордится мной, несмотря ни на что. Но этого не случилось. Я слышала, как они с Пьетро всю ночь болтали. Она льстила ему, злобно повторяла, что я – ее крест, и жаловалась, что со мной никакого терпения не хватит. Чтобы избежать новой ссоры, я слонялась по дому, не вмешиваясь в их тайные совещания, и пыталась читать. Я чувствовала себя несчастной. Мне было стыдно, что я ее толкнула, стыдно за нее и за себя; хотелось попросить у нее прощения, обнять ее, но я боялась, что она поймет меня неправильно и решит, что я сдаюсь. Раз уж она заявила, что это я дурно влияла на Лилу, а не наоборот, значит, ее злость на меня достигла предела. Оправдывая ее, я говорила себе: ее мерило – квартал, а в квартале вся ее жизнь на глазах менялась к лучшему. Она считала, что благодаря Элизе породнилась с Солара; ее сыновья работали на Марчелло, которого она тоже с гордостью причисляла к своей родне; она носила новые наряды – признак внезапно свалившегося на нее благополучия, – и, естественно, в ее глазах Лила выглядела удачливей, чем я, ведь она сотрудничала с Микеле Соларой, жила с Энцо и так разбогатела, что собиралась выкупить родительскую квартиру. Но все эти рассуждения только увеличи-

чивали пропасть между нами: мне больше не о чем было с ней говорить.

До самого ее отъезда мы так и не сказали друг другу ни слова. Мы поехали на вокзал, но всю дорогу она делала вид, что меня не существует, хотя за рулем сидела я. Она пылко благодарила Пьетро за все, что он для нее сделал, и до отправления поезда настойчиво просила сообщать ей, как срастается его сломанная рука и как дела у девочек.

Как только она уехала, стало очевидно, что ее вторжение возымело неожиданный эффект. Муж уже по пути домой подтвердил, что не случайно вчера вечером пришел ко мне под дверь выразить свое сочувствие. Наша с матерью стычка больше, чем я сама за все эти годы, сказала ему, в каких условиях я росла. Он наконец это осознал и, я думаю, пожалел меня. Он снова стал собой, мы вернулись к нормальному тону в разговорах и через несколько дней отправились к адвокату. Он долго расспрашивал нас о том о сем, а потом сказал:

– Вы уверены, что не хотите больше жить вместе?

– Как можно жить с человеком, которому ты больше не нужен? – вопросом на вопрос ответил Пьетро.

– Вам что, больше не нужен ваш муж, синьора?

– Это мое дело, – ответила я, – а ваше – зарегистрировать наше раздельное проживание.

Когда мы вышли на улицу, Пьетро рассмеялся:

– Ты прямо как твоя мать.

– Ничего подобного.

– Да, пожалуй, ты права. Уточню: ты как мать, если бы она получила образование и писала романы.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что ты хуже.

Я обиделась на него, но не сильно, я была рада, что он хоть немного пришел в себя. Я вздохнула с облегчением и сосредоточилась на том, что делать дальше. Начались долгие междугородные разговоры с Нино. Я рассказала ему обо всем, что произошло со мной с момента нашего расставания, и мы стали обсуждать мой переезд в Неаполь. О том, что мы с Пьетро снова живем под одной крышей, хоть и – разумеется – в разных комнатах, я предусмотрительно умолчала. Кроме того, я часто звонила дочкам и с нескрываемой злобой сообщила Аделе, что скоро за ними приеду.

– Не волнуйся, – пыталась переубедить меня свекровь, – они могут побыть у меня, сколько тебе нужно.

– Деде пора идти в школу.

– Она может учиться здесь. Школа в двух шагах от дома, я обо всем позабочусь.

– Нет, я сама буду ими заниматься.

– Подумай. Разведенная женщина с двумя детьми и твоими амбициями должна считаться с реальностью. Тебе надо решить, от чего можно отказаться, а от чего нет.

В этой ее последней фразе меня взбесило каждое слово.

Я собиралась ехать в Геную немедленно, но мне позвонили из Франции. Старшая из издательниц просила написать текст на основе тех размышлений, которыми я делилась на встречах с читателями, для публикации в крупной газете. Пришлось выбирать между возвращением дочерей и работой. Я отложила поездку и засела за работу. Я писала день и ночь, не уверенная, что справлюсь с поставленной задачей. Не успела я отшлифовать текст, как позвонил Нино и сказал, что у него перед университетом выдалось несколько свободных дней и он может приехать ко мне. Я не смогла устоять, и мы на машине отправились в Арджентарио. Любовь поглотила меня. Это были прекрасные дни, мы проводили их у зимнего моря и, чего со мной никогда не бывало раньше, ни с Франко, ни тем более с Пьетро, получали удовольствие абсолютно от всего: от еды, вина, разговоров, секса. Я вставала на рассвете и садилась писать.

Однажды вечером, в постели, Нино дал мне прочесть свою работу, сказав, что ему очень важно мое мнение. Это была довольно мутная статья о фабрике «Италсайдер» в Баньоли. Я начала читать, прижимаясь к нему, а он то и дело твердил: «Я плохо пишу. Исправь, что считаешь нужным. У тебя слог намного лучше, еще с лица». Я похвалила статью, посоветовала переделать кое-какие мелочи. Но Нино

все не успокаивался, просил меня править как можно больше и вдруг сделал страшное признание. Смущаясь, но в то же время как будто в шутку он сказал, что должен открыть мне один секрет – рассказать о поступке, который он считает самым постыдным в своей жизни. Оказалось, он имел в виду заметку по поводу моей стычки с преподавателем богословия, которую давным-давно, в лицее, я по его просьбе написала для студенческого журнала.

– С чего это ты о ней вспомнил? – засмеялась я.

– Я все тебе расскажу, только помни, что я был тогда мальчишкой.

Я поняла, что ему действительно стыдно, и внутренне напрыглась. Он признался, что прочел тогда заметку и подумал, что это невозможно – писать так красиво и так умно. Я обрадовалась комплименту, поцеловала его и вспомнила, как мы с Лилой трудились над этими страницами. Не без иронии, но я все же рассказала ему, какое горькое разочарование испытала, узнав, что в журнале не хватило места для моей статьи.

– Это ведь я тебе так сказал? – с трудом выдавил Нино.

– Наверное, не помню уже.

Его лицо исказила печальная гримаса.

– На самом деле места для статьи было предостаточно.

– Почему же тогда ее не напечатали?

– Из зависти.

Я хмыкнула:

– Ты хочешь сказать, что редакторы позавидовали мне?

– Нет, это я тебе позавидовал. Я прочитал твой текст и выбросил статью в мусорное ведро. Не мог смириться, что ты так здорово пишешь.

Какое-то время я молчала. Как я трудилась над той заметкой, как потом страдала! Мне не верилось, что он, отличник, любимчик профессора Галиани, мог позавидовать строчкам, написанным какой-то школьницей. Я понимала, что Нино ждет моей реакции, но этот подлый поступок никак не совмещался в моем сознании с сияющим нимбом, которым я с детства привыкла окружать его образ. Секунды шли, и мной владело замешательство. Я гнала от себя слышанные от Аделе слова о том, что по Милану о Нино ходит дурная слава; я пыталась не думать о предостережениях Лилы и Антонио, утверждавших, что ему нельзя доверять. Но потом я словно очнулась и обняла Нино. Ведь он не обязан был рассказывать мне о своем тогдашнем малодушии, но все же рассказал, и его искренность тронула меня. Он не побоялся выставить себя передо мной в дурном свете. Значит, поняла я, отныне я всегда и во всем могу на него положиться.

Той ночью мы занимались любовью с еще большей страстью, чем обычно. Проснувшись, я сказала себе, что Нино, признав свою вину, доказал, что я всегда была для него особенной: и когда он встречался с Надей, и когда стал любовником Лилы. Это было чудесно – чувствовать, что тебя не только любят, но и уважают. Он доверил мне свой текст, и я помогла ему отшлифовать его до полного блеска. В те дни

в Арджентарио мне казалось, что моя способность воспринимать окружающее, вникать в увиденное и услышанное и излагать свои мысли достигла пика. Это, как я с гордостью отмечала, подтверждалось бесспорным успехом книги, которую я написала, чтобы понравиться Нино и которую теперь читали за пределами Италии. Наконец у меня было все. За бортом остались только Деде и Эльза.

Я не сказала свекрови, что уехала с Нино, зато сообщила о статье для французской газеты, над которой якобы работаю. Скрепя сердце я все же поблагодарила ее за то, что она взяла на себя заботу о внуках.

Я не доверяла Аделе, но проблему она обозначила правильно. Как совместить заботу о детях с новым образом жизни? Я рассчитывала вскоре поселиться с Нино, не важно, где именно, и надеялась, что мы будем помогать друг другу. Но что делать до переезда? Как совместить наши свидания, Деде с Эльзой, писательство, публичные выступления и скандалы с Пьетро, который хоть и образумился немного, но продолжал на меня давить. И это не говоря уже о финансовых трудностях. Своих денег у меня осталось совсем мало, а когда я смогу заработать на новой книге, было неизвестно. Я понимала, что в ближайшем будущем не смогу самостоятельно оплачивать жилье, телефон и обеспечивать себя и дочерей. И где нам все-таки жить? Я собиралась забрать дочек, но куда мне их везти? Во Флоренцию, в дом, где они родились, чтобы они обнаружили там милого папу, спокойную маму и решили, что все каким-то волшебным образом вернулось на свои места? Обманывать их, прекрасно зная, что стоит только Нино замаячить на горизонте, и я опять сорвусь к нему? Или сказать Пьетро, чтобы он уходил, хотя инициатором раз-

вода была я? Кто из нас должен съехать из квартиры?

В общем, в Геную я приехала с тысячей вопросов и без единого ответа.

Родители мужа встретили меня холодно, но любезно. Эльза мне обрадовалась, хоть и стеснялась немного, а Деде на меня дулась. Я плохо помню квартиру в Генуе, в памяти остался только пронизывавший ее насквозь свет. На самом деле ее многочисленные комнаты были набиты книгами, старинной мебелью, хрустальными люстрами и дорогими коврами, а на окнах висели тяжелые шторы. Светлой была только гостиная, за огромным окном которой расстилалось море и сияло солнце. Я сразу заметила, что дочери чувствуют себя в этой квартире свободнее, чем в собственном доме: они брали что хотели, им никто ничего не запрещал, а с домработницей они разговаривали хоть и вежливо, но приказным тоном – научились у бабушки Аделе. Первые несколько часов они показывали мне свою комнату, хвастались игрушками (таких дорогих от нас с Пьетро они никогда не получали), рассказывали, сколько всего интересного они видели и делали. Деде очень привязалась к дедушке, а Эльза, хоть и без конца обнимала и целовала меня, за каждым пустяком бегала к бабушке, а когда устала бегать, забралась к ней на колени и смотрела на меня, сунув в рот палец. Неужели дочери так быстро научились обходиться без матери? Или на них так подействовали события последних месяцев, что они стали меня бояться? Не знаю. Как бы то ни было, я не отважи-

лась сказать: «Собирайте свои вещи, мы уезжаем». Я решила остаться на несколько дней и заняться дочками. Дед с бабушкой не вмешивались в наши дела, более того, когда кто-то из девочек – чаще Деде – задавал им вопрос, чьи правила «главнее», их или мои, они уступали, лишь бы избежать конфликта.

Гвидо особенно старался обходить острые темы и в первые дни ни словом не упоминал о нашем с Пьетро расставании. После ужина, когда Деде и Эльза пошли спать, он из вежливости недолго посидел со мной, прежде чем закрыться у себя в кабинете (он тоже работал до глубокой ночи; эту привычку Пьетро, видимо, перенял у отца). Ему явно было со мной некомфортно, и он, как всегда, спрятался за разговором о политике: завел речь об обострении кризиса капитализма, режиме жесткой экономии, в котором видел панацею, о расширении границ маргинализации, о символическом значении землетрясения во Фриули, отразившем шаткость Италии как государства, о проблемах, с которыми сталкиваются старые левые партии и группировки. Мое мнение его ни в малейшей степени не интересовало; впрочем, я даже не пыталась его сформулировать. Если он и заговаривал обо мне, то лишь для того, чтобы вспомнить мою книгу, итальянское издание которой я впервые увидела в этом доме: тоненький томик в блеклой обложке, лежащий в куче других книг и журналов в ожидании, когда их пролистают. Как-то вечером он начал задавать мне вопросы; я поняла, что кни-

гу он не читал и читать не собирается, и пересказала ему ее содержание, процитировав несколько отрывков. Он слушал меня с серьезным видом, очень внимательно, и раскритиковал фрагмент о Софокле, который я привела не к месту; в его голосе тут же зазвучали профессорские нотки, а мне стало стыдно. Это был человек, так и источавший авторитет, но такой авторитет, который похож на скорлупу: иногда достаточно мелочи, чтобы скорлупа пошла трещинами и из-за нее показался совсем другой человек. Когда я произнесла слово «феминизм», вся сдержанность Гвидо разом улетучилась, в его глазах вспыхнуло злорадство, лицо – обычно бескровно-бледное – покраснело, и он с неприкрытым сарказмом принялся нараспев цитировать где-то слышанные лозунги: *«Зеркальце, зеркальце, дай ответ, бывает у женщин оргазм или нет? Нет, им не положено!»*, *«Мы не машины для продолжения рода, мы женщины, борющиеся за свободу»*. Он возбудился, начал смеяться, но, заметив мое недовольство, схватился за очки, тщательно протер их и ушел к себе, работать.

Аделе в те вечера почти все время молчала, но я понимала, что они с мужем только и ждут случая, чтобы вывести меня на чистую воду. На удочку я не попадалась, поэтому свекру пришлось самому поднимать интересовавший их вопрос. Вечером, когда Деде с Эльзой пришли пожелать нам спокойной ночи, он затеял с ними что-то вроде игры:

– И как же вас зовут, прекрасные синьорины?

– Деде.

– Эльза.

– А дальше? Дедушка хочет слышать имя и фамилию.

– Деде Айрота.

– Эльза Айрота.

– А почему вы Айрота?

– Потому что мы как папа.

– А еще?

– Как дедушка.

– А как зовут вашу маму?

– Елена Греко.

– А вы Греко или Айрота?

– Айрота.

– Вот и умницы! Спокойной ночи, мои милые, сладких

снов!

Как только девочки вместе с Аделе вышли из комнаты, он, словно продолжая игру в вопросы и ответы, спросил: «Я узнал, что вы с Пьетро разводитесь из-за Нино Сарраторе. Это правда?» Я вздрогнула и кивнула. Он улыбнулся и похвалил Нино, но без былого восхищения. Сказал, что это очень умный молодой человек, знающий свое дело, хотя – он сделал выразительную паузу – он *нестабилен*. Он повторил это слово, как будто пробуя его на вкус. «Последние тексты Сарраторе, – подчеркнул он, – мне не понравились». С неожиданным пренебрежением в голосе он назвал его одним из тех, кто спешит научиться вертеть шестеренки неокапи-

тализма вместо того, чтобы продолжать требовать преобразований в социальной и производственной сфере. Каждое его слово звучало оскорблением. Я не выдержала и кинулась доказывать, что он ошибается. Аделе вошла в комнату в тот момент, когда я разбирала тексты Нино, казавшиеся мне наиболее радикальными, а Гвидо слушал, время от времени сдавленно хмыкая: он всегда так делал, когда сомневался, соглашаться с услышанным или нет. С появлением свекрови я разволновалась и замолчала. Свекор, к тому моменту вроде бы смягчившийся (*«Нам всем непросто ориентироваться в условиях этого идиотского кризиса, накрывшего Италию, а молодым людям вроде Нино, особенно если они пытаются хоть что-то предпринять, особенно нелегко»*), встал и собрался идти в кабинет. Но на пороге остановился и сердито сказал: «И все-таки тут еще работать и работать. Сарраторе – это интеллигенция без традиций: ему больше нравится быть удобным тем, кто им командует, чем биться за свои идеи. Из него выйдет очень услужливый исполнитель». На этом он замолчал, не желая доводить свою мысль до конца, буркнул: «Спокойной ночи» – и ушел к себе.

Я почувствовала на себе взгляд Аделе. «Мне тоже надо идти спать, – думала я. – Сказать, что устала...» Но что-то дернуло меня задать Аделе вопрос:

– Что он имел в виду, говоря, что Нино – это интеллигенция без традиций?

Она посмотрела на меня с иронией:

– Что он никто. А тому, кто знает, что он никто, важнее всего в жизни стать кем-то. Поэтому синьору Сарраторе нельзя доверять.

– Тогда и я интеллигенция без традиций.

– И ты, – улыбнулась она. – Тебе тоже нельзя доверять.

Повисла пауза. Аделе говорила спокойно, без эмоций, словно просто констатировала неоспоримый факт. Но я почувствовала себя оскорбленной.

– Что значит – мне нельзя доверять?

– Я вот доверила тебе сына, а как ты с ним обошлась? Если ты любила другого, зачем было выходить замуж?

– Я не знала, что люблю другого.

– Врешь.

Я подумала и согласилась:

– Да, вру, потому что ты требуешь от меня однозначных ответов, а однозначные ответы почти всегда ложь. Ты тоже говорила мне о Пьетро много плохого, настраивала меня против него. Ты что, тоже врала?

– Нет, я действительно была на твоей стороне, но только при условии, что ты будешь выполнять кое-какие правила.

– Какие же?

– Ты должна была остаться с мужем и детьми. Ты была Айрота, твои дети были Айрота. Я не хотела, чтобы ты чувствовала себя чужой и несчастной, я старалась помочь тебе быть хорошей матерью и женой. Но раз ты нарушила мое условие, все меняется. От меня и моего мужа ты больше ничего не

получишь. Больше того, я отберу у тебя все, что успела дать.

Я глубоко вздохнула, старалась голосом не выдать охватившей меня ярости.

– Аделе, – произнесла я. – Я Елена Греко, а мои дочери – это мои дочери. Плевать я хотела на вас, Айрота.

Она побледнела. Ее лицо приняло суровое выражение.

– Теперь я прекрасно вижу, что ты Елена Греко. Только вот девочки – дочери моего сына, и мы не позволим тебе их погубить.

Она развернулась и пошла спать, оставив меня одну.

Это была моя первая стычка с родителями Пьетро. За ней последовали другие, но до такого открытого противостояния они больше не доходили. Теперь Гвидо и Аделе ограничивались тем, что всячески мне намекали: решила думать в первую очередь о себе – думай о себе, а Деде и Эльзу оставь нам. Я злилась и каждый день принимала решение увезти девочек немедленно – во Флоренцию, в Милан, в Неаполь – куда угодно, лишь бы подальше от этого дома. Но меня всегда что-то останавливало: я быстро остывала и успокаивалась. К примеру, звонил Нино: я не могла устоять и бежала на свидание, куда бы он меня ни позвал. К тому же моя книга имела в Италии успех, пусть и небольшой; крупные журналы ее проигнорировали, не напечатав ни одной рецензии, но она хорошо продавалась. Я стала совмещать встречи с читателями и свидания с любовником: уезжала все чаще и на все более долгий срок.

Собираясь в очередную поездку, я ловила на себе обвиняющие взгляды своих дочерей. Это было мучительно, но уже в поезде, готовясь к выступлению и предвкушая близкую встречу с Нино, я чувствовала, как внутри закипает нахальная радость. Я быстро привыкла быть одновременно счастливой и несчастной, как будто это было неременное свойство моей новой жизни. Возвращаясь в Геную, я думала о

том, как виновата перед Деде и Эльзой, которые жили прекрасно – учились, играли с друзьями, получали все что хотели; все это без моего участия. Но потом меня снова куда-нибудь приглашали, и я обо всем забывала. Из-за этих постоянных колебаний я ощущала себя ничтожеством. Как ни унижительно было признаваться, что известность и любовь к Нино затмили в моей душе Деде и Эльзу, это была правда. Слова Лилы: «Подумай о своих дочерях – что с ними-то будет?» – эхом звучали у меня в голове, превращаясь в вечный эпитаф грядущего несчастья. Я переезжала из города в город, каждый раз ночевала на новом месте, часто не могла заснуть. В памяти всплывали проклятия матери, перемежаемые словами Лилы. Я всю жизнь считала их антиподами, но теперь, по ночам, они вдруг начали соединяться в одно. Они выказывали мне равную враждебность и казались равно чужеродными в моей новой жизни, что, с одной стороны, доказывало, что я наконец-то ни от кого не завишу, а с другой – заставляло почувствовать, что я теперь совсем одна со всеми своими проблемами. Я попыталась наладить отношения с золовкой. Она вела себя со мной очень доброжелательно, организовала в миланском книжном магазине вечер в честь выхода моей книги. Собрались в основном женщины: одни меня сурово критиковали, другие – очень хвалили. Поначалу я испугалась, но потом в обсуждение вмешалась Мариароза, пользовавшаяся у зрительниц авторитетом; вслед за ней я тоже осмелела и даже сообразила, каким образом примирить

между собой тех, кто выступал против меня, с теми, кто выступал за (я научилась очень убедительно произносить: «*На самом деле я не совсем это имела в виду*»). Провожали меня аплодисментами, и громче всех хлопала Мариароза.

Ужинала и ночевала я в ее квартире, где по-прежнему жили Франко и Сильвия с сыном, которому, по моим подсчетам, исполнилось восемь лет. Весь вечер я только и делала, что наблюдала за Мирко, выискивая в нем черты сходства с Нино, как во внешности, так и в характере. Я не говорила Нино, что знаю об этом ребенке, не собиралась этого делать и впредь. Зато я с удовольствием болтала и играла с мальчиком, сажала его к себе на колени. В каком хаосе мы живем, думала я, сколько осколков рассыпали вокруг себя... В Милане жил этот мальчик, в Генуе – мои дочери, в Неаполе – Альбертино. Я не удержалась и завела с Сильвией, Мариарозой и Франко беседу об этой примете нашего времени. Я ждала, что мой бывший любовник по обыкновению завладеет всеобщим вниманием и при помощи своей блестящей диалектики все разложит по полочкам, объяснит настоящее и предскажет будущее. Тут-то меня и ждал главный сюрприз вечера. Вместо монолога Франко лаконично заметил, что времени, которое объективно (это слово он произнес с сарказмом) можно было назвать революционным, приходит конец: «Наступает его закат и уносит с собой все, что служило нам компасом в эти годы».

– А я не согласна, – возразила я. – По-моему, дела в Ита-

лии обстоят не так уж плохо, и мы вполне боеспособны.

– Это тебе так кажется, потому что ты довольна жизнью.

– Как раз наоборот, я сейчас в жуткой депрессии.

– Люди в депрессии не пишут книг. Книги пишут люди, довольные жизнью: они путешествуют, влюбляются и много говорят, уверенные, что ко всему происходящему подберут нужные слова.

– А что, это не так?

– Нет, слова очень редко оказываются к месту, да и то ненадолго. В основном мы лепим их как попало, вот как сейчас. Или пользуемся ими, чтобы притворяться, будто все под контролем.

– Притворяться? Ты же сам всю жизнь старался все держать под контролем. Ты что, тоже притворялся?

– А почему бы и нет? Притворство естественно для человека. Мы хотели устроить революцию и были единственными, кто посреди всего этого хаоса находил какой-то порядок и делал вид, что точно знает, что происходит.

– Можно считать твои слова саморазоблачением?

– Пожалуйста. Правильные слова, правильный синтаксис – и всему найдется объяснение. Главное – верно выстроить логические связи: одно проистекает из второго и неизбежно приводит к третьему. И все, готово дело.

– Так что, это больше не работает?

– Наоборот, прекрасно работает. Очень удобно: никогда не теряешься. Ни одна зараза тебе не страшна, нет такой ра-

ны, которую нельзя было бы залечить, темного угла, которой мог бы тебя испугать. Только в какой-то момент этим фокусам приходит конец.

– То есть?

– Бла-бла-бла, Лена, сплошное бла-бла-бла. Слова теряют свое значение.

На этом он не остановился и еще долго иронизировал, высмеивая и себя, и меня. Потом вдруг осекся, пробормотал: «Фу, сколько чепухи я нагородил», – и оставшееся время слушал нас троих.

Франко поразил меня; если на Сильвии перенесенное насилие не оставило заметных следов, то на него то давнее нападение наложило неизгладимый отпечаток, изменив не только его тело, но и мысли. Он часто вставал и, прихрамывая, уходил в туалет; искусственный глаз в посиневшей глазнице и то казался живее, чем второй, зрячий, но мутный и опустошенный. Ничто в нем не напоминало ни веселого, энергичного парня, каким я знала его когда-то, ни мрачного революционера, избитого фашистами. Передо мной был печальный, надломленный человек, милый даже в своем цинизме. Сильвия сказала, что я должна забрать дочерей, Мариароза возразила, что, пока моя жизнь не наладится, Деде и Эльзе лучше пожить у бабушки с дедушкой, а Франко, похвалив мой выдающийся ум, который он иронично назвал мужским, сказал, что я должна двигаться вперед, не обременяя себя женскими обязанностями. Потом я долго не могла

заснуть. Что для моих дочерей хуже, а что лучше? Что хуже и что лучше для меня и совпадает ли первое со вторым? Той ночью Нино отступил на второй план, вытесненный Лилой. Она явилась одна, без поддержки в лице моей матери. Мне хотелось обложить ее последними словами и крикнуть ей: «Хватит меня критиковать, возьми на себя ответственность и скажи, что мне делать!» В конце концов я заснула. На следующий день я уехала в Геную и без всякой подготовки, при Гвидо и Аделе, объявила Деде и Эльзе: «Девочки, у меня сейчас много работы, через несколько дней мне снова придется уехать, потом еще раз и еще. Вы хотите ездить со мной или останетесь с бабушкой и дедушкой?»

Даже сегодня, когда я пишу эти строки, мне стыдно, что я задала им этот вопрос. Деде, а за ней и Эльза ответили: «Мы останемся с бабушкой и дедушкой. А ты приезжай, когда сможешь, и привози нам подарки».

Мне потребовалось два года, чтобы навести хотя бы подобие порядка в своей жизни. Это были два года радостей, переживаний, неприятных открытий и мучительной расплаты. Болезненные осложнения в личной жизни сопровождались заметным публичным успехом. Мои неполные сто страниц, написанные ради Нино, перевели на немецкий и английский языки. Во Франции и в Италии переиздали мою первую, десятилетней давности, книгу, и я снова начала печататься в газетах и журналах. Я завоевала определенную популярность. Мои дни снова наполнились событиями, ко мне стали проявлять интерес и уважение довольно известные люди. Но больше всего уверенности в меня вселяло общение с директором миланского издательства, который с самого начала проникся ко мне симпатией. Как-то вечером он пригласил меня на ужин, чтобы заодно обсудить наши дальнейшие планы; я хотела предложить ему опубликовать подборку написанных Нино эссе. За столом он проговорился, что на прошлое Рождество Аделе пыталась надавить на него и помешать выходу моей книги.

– Айрота, – сказал он с усмешкой, – привыкли за завтраком назначать заместителя министра, а за ужином отправлять в отставку самого министра. Но с твоей книгой они прощались. Она была готова к печати, и мы отправили ее в

типографию.

Малое количество рецензий в итальянской прессе он тоже приписывал стараниям моей свекрови. Значит, если книга все же завоевала читателей, произошло это не потому, что синьора Айрота любезно сменила гнев на милость, а исключительно благодаря моему таланту. Из чего я сделала вывод, что на сей раз ничем не обязана Аделе, хотя каждый раз, когда я приезжала в Геную, она твердила обратное. Но я все больше верила в себя, гордилась собой и думала, что времена моей зависимости от других окончательно миновали.

Лила придерживалась иного мнения. Всплывая из глубин квартала, на который мне было плевать, она без конца дергала меня, видимо все еще считая чем-то вроде своего аппендикса. Через Пьетро она узнала номер телефона в генуэзской квартире и названивала мне, ничуть не заботясь, что это может не понравиться Гвидо и Аделе. Если ей удавалось застать меня на месте, она притворялась, что не замечает моих односложных ответов, и болтала без умолку, рассказывая об Энцо, работе, сыне и его школьных успехах, о Кармен и Антонио. Если она меня не заставляла, то звонила снова и снова, тем самым давая Аделе повод посетовать, что я доставляю ей слишком много хлопот. «Сарраторе (3 раза), Черулло (9 раз); такого-то месяца, такого-то числа», – записывала она в специальную тетрадь. Я пыталась вразумить Лилу, говорила, чтобы не звонила, когда меня нет, объясняла, что дом в Генуе – не мой дом и что от ее звонков у меня только лишние

неприятности, но все было бесполезно. Дошло до того, что она позвонила еще и Нино. Трудно сказать, о чем они беседовали: он старался поменьше говорить об этом, смущался, боялся, что я рассержусь. Сначала он признался, что Лила много раз звонила Элеоноре, чем дико ее разозлила; потом вроде бы выяснилось, что она надеялась застать его на виа Дуомо, так что в конце концов он сам поспешил разыскать ее, чтобы она больше не тревожила его жену. Как бы там ни было, Лила назначила ему встречу. Нино торопливо добавил, что она пришла не одна, а с Кармен и что именно Кармен просила его помочь ей срочно связаться со мной.

Отчет об этой встрече я выслушала без эмоций. Для начала Лила подробно выпросила его, как я веду себя на презентациях своих книг: как я одета, как причесана и накрашена, стесняюсь или нет, шучу или говорю серьезно, читаю по бумажке или импровизирую. Все остальное время она молчала, а говорила Кармен. Она хотела посоветоваться со мной по поводу Паскуале. По своим каналам Кармен выяснила, что Надя Галиани уехала за границу, и просила меня связаться с моей бывшей лицейской преподавательницей и узнать, известно ли ей что-нибудь о Паскуале – хотя бы жив ли он. По словам Нино, Кармен с возмущением говорила: «Почему это дети богачей всегда выкручиваются? Чем мой брат хуже?» Еще она просила Нино напомнить мне (похоже, она считала свою заботу о брате страшным преступлением и боялась мне навредить), чтобы я не вздумала разговаривать ни

с Галиани, ни с ней по телефону. «Ни Кармен, ни Лина умом не блещут, – заключил Нино. – Лучше тебе с ними не связываться, как бы они тебя в беду не втянули».

Еще несколько месяцев назад встреча Нино с Лилой, пусть даже в присутствии Кармен, заставила бы меня поволноваться. Но сейчас я с облегчением обнаружила, что мне все равно. Я была уверена в любви Нино и больше не боялась, что она его у меня отнимет. Я погладила его по щеке и весело сказала: «Смотри, как бы они *тебя* в беду не втянули, будь внимательнее. А то у тебя вечно ни на что нет времени, а на этих двух красавиц нашлось».

Тогда меня в первый раз поразило, какие строгие границы очертила для себя Лила. Она все меньше интересовалась тем, что творилось за пределами квартала, а если что-то вдруг и привлекало ее внимание, то выяснялось, что это связано с кем-то из тех, кого она знала с детства. Даже работу, насколько я знала, она старалась ограничить этим узким периметром. Энцо хоть иногда ездил по делам в Милан и Турин, а Лила не двигалась с места. Что до меня, то чем больше я ездила по свету, тем больше входила во вкус и тем сильнее меня поражало ее затворничество.

Я использовала любую возможность, чтобы уехать из Италии, особенно когда удавалось организовать поездку вдвоем с Нино. После выхода книги небольшое немецкое издательство организовало мне рекламный тур по Западной Германии и Австрии, и он бросил все свои дела и отправился со мной в роли веселого и исполнительного водителя. За две недели мы вдоль и поперек исколесили множество городов: пейзажи сменяли друг друга, яркие, как краски на прекрасных картинах. Каждая гора, озеро, город, памятник становились частью нашей жизни, вкладом в наше общее счастье жить сегодняшним мигом, здесь и сейчас. Даже когда нас настигала грубая реальность в виде весьма враждебно настроенной публики, с которой я сталкивалась каждый день, мы

видели в ней только очередное захватывающее приключение.

Как-то раз, когда мы поздно вечером возвращались на машине в гостиницу, нас остановила полиция. Немецкий язык в темноте, из уст вооруженных людей, и для меня, и для Нино звучал зловеще. Полицейские приказали нам немедленно выйти, меня – я громко возмущалась – усадили в одну машину, его в другую. Потом они заперли нас в маленькой комнате и через некоторое время допросили: документы, цель пребывания, род занятий. На стенах были развешаны фотографии преступников: мрачные лица, в основном бородатых мужчин, но было и несколько женщин с короткими стрижками. Меня удивило, с каким волнением я искала среди них изображения Паскуале и Нади. Не нашла. На рассвете нас отпустили и отвезли туда, где осталась наша брошенная машина. Никто перед нами не извинился: на машине были итальянские номера, мы были итальянцами – обязательный контроль.

Мой инстинктивный порыв высматривать среди разыскиваемых полицией преступников фото человека, судьба которого так волновала Лилу, поразил меня в самое сердце. В ту ночь Паскуале Пелузо сыграл роль ракеты, пущенной из тесного пространства, в котором заперла себя Ли́ла, в мое, гораздо более обширное, с тем чтобы напомнить мне, кружащейся в вихре своих проблем, о ее существовании. На краткий миг брат Кармен стал той точкой, в которой сошлись

наши миры – ее, постоянно сужающийся, и мой, все более открытый.

Вечера, на которых я рассказывала о своей книге жителям зарубежных городов, о которых я ничего не знала, заканчивались неизменным валом вопросов о политических волнениях в Италии. Я отделялась общими фразами, содержанием которых было слово «*репрессии*». Как писательница, я считала своим долгом изъясняться образно. «Ничто не уцелеет, – говорила я, – асфальтовый каток катится с запада на восток, наводя на планете свой порядок: рабочих отправляет работать, безработных – чахнуть, голодных – умирать, интеллектуалов – болтать, черных – оставаться черными, женщин – исполнять свои женские обязанности». Однако иногда меня охватывало желание сказать что-нибудь настоящее, искреннее, свое, и тогда я вспоминала судьбу Паскуале со всеми ее трагическими поворотами, начиная с детства и до настоящего времени, когда он вынужден скрываться. Ответить на вопросы конкретно мне было нечего, я использовала ту же лексику, что и десять лет назад, а эмоции в моей речи появлялись, только когда я заводила рассказ о родном квартале. Все это было давно отрепетировано и имело неизменный успех. Разница заключалась только в том, что презентации первой книги я заканчивала призывами к революции, как того требовали общественные настроения, а теперь я избегала этого слова: Нино находил такие призывы слишком наивными; от него я узнала, насколько

сложная вещь политика, и стала осторожнее. Я обходилась формулой *нужно протестовать*, к которой прибавляла, что нельзя молча со всем соглашаться, что государство продержится дольше, чем мы ожидали, и нужно учиться управлять им. Подобные вечера не всегда приносили мне чувство удовлетворения. Порой мне казалось, что я смягчаю тон, только чтобы понравиться Нино, сидевшему в прокуренном зале среди красавиц иностранок, моих ровесниц или девушек моложе меня. Правда, иногда я все же увлекалась и выходила за установленные рамки, как раньше, когда из-за этого ссорилась с Пьетро. Это случалось, если в зале сидели женщины, которые прочли мою книгу и ждали от меня острых заявлений. «Главное – самим не превратиться в полицейских и не повязать самих себя, – говорила я. – Помните, война идет до последней капли крови и закончится не раньше, чем мы победим». После таких выступлений Нино подтрунивал надо мной, советовал мне и впредь все преувеличивать, и мы вместе смеялись.

Иногда ночью я садилась рядом с ним и пыталась разобраться в себе. Я признавала, что мне нравится говорить громкие речи, обличать мягкотелость партий и жестокость государства. «И в то же время политика, – думала я, – какой ты ее себе представляешь и *какой она, разумеется, является*, на меня нагоняет скуку, я для нее не создана: оставляю ее тебе». Потом я добавляла, что и оппозиционные собрания, на которые я раньше ходила через силу и таскала с

собой девочек, мне не интересны. «Меня всегда пугали эти шествия, угрозы, крики, агрессивно настроенные меньшинства, вооруженные бандформирования, смерти посреди улицы, ненависть революционеров ко всему вокруг. Вот я выступаю публично, – говорила я себе, – а сама даже не знаю, кто я, не понимаю, до какой степени сама верю в то, что говорю». Мне казалось, что с Нино я могу делиться самыми потаенными, самыми постыдными мыслями, даже теми, которые не решалась додумывать до конца. Он был так уверен в себе, так твердо стоял на ногах, на все имел свое, детально проработанное мнение. А я ощущала себя глупой мятежницей, с детства со всех сторон облепившей себя этикетками с красивыми фразами. Когда мы ехали на конгресс в Болонью (мы оказались в потоке воинственно настроенных переселенцев, направлявшихся в город свободной жизни), нас пять раз останавливала полиция. Направленный пистолет: «Выходите из машины. Сюда, к стене. Ваши документы!» Я испугалась больше, чем тогда в Германии: это была моя страна, здесь звучал мой язык, я распахивалась и вместо того, чтобы молча подчиниться, разоралась; я сама не заметила, как перешла на диалект, начала оскорблять полицейских, кричать, что они не имеют права так грубо со мной обращаться. Страх и гнев смешались во мне, и я не могла побороть ни того ни другого. Нино оставался спокоен. Он пошутил с полицейскими, задобрил их и успокоил меня. Для него только мы двое имели значение: «Помни, что мы вме-

сте, здесь и сейчас, а все остальное – всего лишь фон, и он быстро меняется».

В те годы мы постоянно куда-то ехали. Нам хотелось везде побывать, во всем поучаствовать, за всем проследить, все узнать, понять, обсудить, а больше всего хотелось любить друг друга. Полицейские сирены, блокпосты, стук лопастей вертолета, убийства были всего лишь картинками в календаре, на которых мы отмечали круглые даты с начала наших отношений – недели, месяцы, год, полтора с той самой ночи, когда в доме во Флоренции я пришла к нему в спальню. Именно тогда, как мы говорили, началась наша настоящая жизнь. Настоящей жизнью мы называли то ощущение света, которое не покидало нас, даже когда мы ежедневно сталкивались с ужасами, творившимися вокруг.

Мы были в Риме, когда похитили Альдо Моро¹. Нино должен был презентовать книгу своего неаполитанского коллеги, посвященную проблемам геополитики южных регионов: я поехала с ним. О книге в тот вечер почти не говорили, зато Нино засыпали вопросами о лидере христианских демократов. После того как он сказал, что Моро поливал страну грязью, выставляя ее в наихудшем свете и тем самым создавая условия для образования «Красных бригад», одновременно

¹ Альдо Моро – крупный политический деятель Италии, председатель Совета министров, христианский демократ. В 1978 г. был похищен, а затем убит леворадикальной организацией «Красные бригады».

замалчивая неприглядную правду о коррупции в собственной партии, которую отождествлял с государством, чтобы обезопасить себя от любых обвинений, а тем более наказаний, среди слушателей поднялся грозный ропот, и мне стало страшно. Нино поспешил добавить, что для защиты социальных институтов надо не утаивать их недостатки, а, напротив, добиваться их полной прозрачности, эффективности и законности; публика не успокоилась и продолжала сыпать проклятиями. Нино побледнел, и при первой возможности я увела его оттуда. Мы закрылись своей любовью, словно сияющими доспехами.

Такие тогда были времена. На вечере в Ферраре мне тоже пришлось несладко. С того дня, когда был обнаружен труп Моро, прошел почти месяц. Отвечая на очередной вопрос, я назвала его похитителей убийцами. Обычно я старалась тщательно выбирать выражения: часть публики, придерживаясь крайне левых взглядов, весьма болезненно относилась к употреблению тех или иных слов. Но если тема задевала меня за живое, я теряла бдительность. Слово «убийцы» вызвало в зале шквал возмущения: *«Это фашисты – убийцы»*. Слушатели набросились на меня: отовсюду раздавались издевательские выкрики и угрозы. Я молчала. Стоило мне остаться без поддержки аудитории, и я сразу теряла веру в себя; мне казалось, что я стремительно опускаюсь на дно своего происхождения; меня охватывало чувство, что я ничего не смыслю в политике и вообще отношусь к тем женщи-

нам, которым не рекомендуется лишний раз открывать рот. Поэтому я всячески избегала публичных споров. *Но разве тот, кто убил, – не убийца?* Встреча закончилась ужасно: Нино чуть не подрался с одним типом, сидевшим в задних рядах зала. Но, как всегда, едва мы остались наедине, прочее перестало нас волновать. Когда мы были вместе, ничто не задевало нас по-настоящему, скорее наоборот, мы гордились собой и не обращали внимания на чужие злобные выпады. Мы шли ужинать, наслаждались вкусной едой, вином, сексом. В постели, обнимая друг друга, мы забывали обо всем.

В первый раз меня окатило ледяным душем в конце 1978 года, и спасибо за это, разумеется, следовало сказать Лиле. Этому предшествовала целая череда событий, начавшихся в середине октября, когда на Пьетро, возвращавшегося из университета, напали с дубинками двое парней в масках – то ли красные, то ли чернорубашечники, так и осталось неизвестным. Я помчалась в больницу, уверенная, что найду Пьетро в ужасном состоянии. Но, если не считать забинтованной головы и заплывшего глаза, он выглядел вполне неплохо, поблагодарил меня за беспокойство, а потом и вообще забыл обо мне, поглощенный беседой со студентами, которые пришли его навестить. Среди них мне бросилась в глаза одна привлекательная девушка. Когда почти все разошлись, она под села к Пьетро на край кровати и взяла его за руку. Белая кофточка с высоким воротником, синяя мини-юбка, темные волосы до пояса. Я вежливо расспросила ее об учебе. Она сказала, что ей надо сдать еще два выпускных экзамена, но она уже работает над дипломом по Катуллу. «Очень способная студентка», – похвалил ее Пьетро. Девушку звали Дориана. Она так и продолжала держать его за руку и отпустила ее всего раз, чтобы поправить ему подушки.

Вечером во флорентийской квартире появилась Аделе с

Деде и Эльзой. Я рассказала ей о девушке, и она довольно улыбнулась: отношения сына явно не были для нее секретом. «А чего ты ждала? Ты же его бросила», – ответила она. На следующий день мы все вместе отправились в больницу. Деде и Эльза были очарованы Дорианой, ее бусами и браслетами. Ни я, ни отец их не интересовали, и они с удовольствием отправились играть во двор с Дорианой и бабушкой. «Это новая фаза», – сказала я себе и начала осторожно прощупывать почву. Еще до инцидента с нападением он стал заметно реже навещать дочерей, и теперь я понимала почему. Я спросила его о девушке. Он говорил о ней с каким-то благоговением. На мой вопрос, намерена ли она к нему переехать, он, замявшись, ответил, что об этом пока рано говорить, что он еще не знает, но вообще-то, скорее всего, да. «Нам надо договориться по поводу детей», – сказала я. Он согласился.

Я воспользовалась новыми обстоятельствами, чтобы серьезно поговорить с Аделе. Она не сомневалась, что я хочу поплакаться ей в жилетку, но я сразу объяснила, что несколько не возражаю против того, чтобы у Пьетро появилась женщина, вся проблема только в девочках.

– Какая еще проблема? – забеспокоилась она.

– Я оставляла их у тебя не только потому, что так мне было проще. Я думала, это поможет Пьетро быстрее прийти в себя. Теперь у него своя жизнь, и все меняется: я тоже хочу определенности.

– Что ты имеешь в виду?

– Я сниму квартиру в Неаполе и перееду туда с детьми.

Мы сцепились не на шутку. Она привязалась к девочкам и отказывалась отдавать их мне. Твердила, что я слишком занята собой, чтобы обеспечить их должной заботой, что приводить в дом чужого мужчину (имелся в виду Нино), когда у тебя две дочери, просто недопустимо. Наконец она заявила, что не позволит, чтобы ее внуки росли в такой дыре, как Неаполь. Мы много чего наговорили друг другу! Она вспомнила и мою мать: видимо, сын описал ей ту безобразную сцену во Флоренции.

– С кем ты их оставишь, когда будешь в разъездах? С ней, что ли?

– С кем захочу, с тем и оставлю.

– Я не желаю, чтобы Деде и Эльза общались с людьми, которые не способны себя контролировать.

– Все эти годы я считала, что ты идеальная мать, о какой я мечтала всю жизнь, – ответила я. – Но я ошибалась: моя мать лучше тебя.

Мы обсудили проблему с Пьетро. Он, конечно, попытался возражать, но было очевидно, что он согласится на любой вариант, если это позволит ему больше времени проводить с Дорианой. С этим я и отправилась в Неаполь: не хотела обсуждать с Нино такой деликатный вопрос по телефону. Встречались мы, как всегда, в его квартире на виа Дуомо. Он все еще жил там, и я охотно ездила к нему, хотя меня не отпускало ощущение, что этот дом – временное пристанище, не говоря уже о том, что мне не нравились несвежие простыни. Я сообщила Нино, что готова перебраться в Неаполь вместе с дочками, и он прямо-таки вспыхнул от радости. Мы устроили по этому поводу праздник. Нино пообещал как можно скорее найти нам квартиру, взяв на себя неизбежные хлопоты.

Я пребывала в приподнятом настроении. После бесконечных скитаний, разъездов, страданий, перемежавшихся удовольствиями, у нас все наконец наладится. У меня было немного своих денег, сколько-то мне будет давать Пьетро на содержание детей, плюс я вот-вот должна была подписать выгодный контракт на новую книгу. Я чувствовала себя взрослой. Моя известность росла, и я не сомневалась, что возвращение в Неаполь вдохновит меня и плодотворно скажется на моей работе. Но больше всего влекла перспектива

жить с Нино. Как это будет прекрасно: гулять с ним, встречаться и болтать с его друзьями, поздним вечером вместе возвращаться домой. Я хотела снять светлую квартиру с видом на море. Нельзя, чтобы мои дочери скучали по комфортной жизни в Генуе.

Лиле я не звонила и не посвящала ее в свои планы. Я подозревала, что она опять попытается влезть в мою жизнь, и не желала этого. Зато я позвонила Кармен, с которой у нас в последний год установились хорошие отношения. По ее просьбе я встретила с братом Нади Армандо, который, как выяснилось, помимо медицинской практики занимался и политикой и был видным деятелем партии «Пролетарская демократия». Он встретил меня тепло, разговаривал уважительно, хвалил мою последнюю книгу, загорелся идеей устроить ее публичное обсуждение и даже пригласил меня на основанную им радиостанцию и взял у меня путаное интервью ни о чем. Мои настойчивые вопросы о сестре он иронически квалифицировал как чрезмерное любопытство и упорно от них уходил. Сказал лишь, что с Надей все в порядке и они с матерью отправились в длительное путешествие. О Паскуале он ничего не знал и знать не хотел. «Такие, как он, – сухо обронил Армандо, – и загубили великие надежды на политические преобразования».

Кармен я, естественно, пересказала эти сведения в смягченном варианте, но она все равно расстроилась. Она так страдала, и мне было так ее жалко, что я решила время от

времени, когда бываю в Неаполе, встречаться с ней. Я понимала ее мучения: ее брат был *нашим* Паскуале, мы обе любили его, что бы он ни натворил. Мои воспоминания о нем носили фрагментарный характер: мероприятие в районной библиотеке, на котором мы вместе присутствовали; драка на пьядца Мартири; наша поездка к Лиле, куда он меня потащил; их с Надей визит в нашу флорентийскую квартиру. Но для Кармен эта история никогда не прерывалась: ее детская боль по отцу (даже я прекрасно помнила день, когда его арестовали) слилась с тревогой за брата, о судьбе которого она с упорством пыталась разузнать. Из соседской девчонки, которую Лила устроила продавщицей в лавку Стефано, Кармен превратилась для меня в человека, которого я искренне полюбила и всегда была рада видеть.

Мы встретились в баре на виа Дуомо. В зале царил полумрак, и мы сели напротив двери на улицу. Я подробно рассказала ей о своих планах, понимая, что она все передаст Лиле. «Ну и пусть», – думала я. Кармен, смуглая, одетая во что-то темное, слушала меня внимательно, не перебивая. В своем элегантном платье, за болтовней о Нино и в мечтах о красивом доме, я чувствовала себя легкомысленной ветренницей. Но вдруг Кармен посмотрела на часы и сказала:

– Сейчас Лина придет.

Я скривилась: я пришла увидеться с ней, а не с Лилой.

– А мне как раз пора бежать, – сказала я, в свою очередь посмотрев на часы.

– Подожди, она через пять минут будет.

Кармен говорила о нашей общей подруге с любовью и благодарностью. Лила заботилась о друзьях. Лила поддерживала всех: родителей, брата, даже Стефано. Лила помогла Антонио найти квартиру и очень сдружилась с его женой-немкой. Лила планировала открыть свое дело, связанное с компьютерами. Лила была такая бескорыстная, богатая, великодушная: стоило ей узнать, что у кого-то проблемы, она без лишних рассуждений лезла в карман за деньгами. Лила вместе с ней беспокоилась за Паскуале. «Ах, Лену, как же вам повезло: вы всегда так дружили, я вам даже завидовала!» Я слышала в ее голосе интонации Лилы; она повторяла ее движения и жесты. Мне снова вспомнился Альфонсо: хоть он и был мужчиной, но в нашу последнюю встречу показался мне копией Лилы, даже в чертах лица. Получается, кварталом заправляет она, она для всех здесь – образец для подражания.

– Я пойду, – сказала я.

– Подожди еще немножко, Лиле нужно сказать тебе что-то важное.

– Скажи ты!

– Нет, она должна сама.

Я осталась, но настроение у меня портилось с каждой минутой. Наконец Лила пришла. Выглядела она более ухоженно, чем тогда, на пьяцца Амедео. Когда она хотела, все еще производила впечатление настоящей красавицы.

– Значит, решила вернуться в Неаполь! – воскликнула она.

– Да.

– Кармен сообщила, а мне – нет?

– Как раз собиралась тебе сказать.

– А твои родители в курсе?

– Нет.

– А Элиза?

– Тоже нет.

– Твоя мать болеет.

– Что с ней?

– Кашляет, отказывается идти к врачу.

Я заерзала на стуле и снова посмотрела на часы:

– Кармен говорила, ты хочешь сказать мне что-то важное.

– Это не самое приятное известие.

– Все равно говори.

– Я попросила Антонио проследить за Нино.

Я вздрогнула.

– В каком смысле «проследить»?

– Понаблюдать, чем он занимается.

– Зачем?

– Для твоего же блага.

– А можно я о своем благе как-нибудь сама позабочусь?

Лиля бросила взгляд на Кармен, будто ждала от нее поддержки, и снова повернулась ко мне:

– Как скажешь, я могу и промолчать. Но не хочу, чтоб ты

потом на меня обижалась.

– Я не обижаюсь, но говори скорее.

На хорошем итальянском, глядя мне прямо в глаза, она в сухих выражениях рассказала, что Нино все это время не расставался с женой, продолжал жить с ней и с сыном и в награду со дня на день должен был получить пост директора научно-исследовательского института, финансируемого банком, который возглавлял его тесть.

– Ты знала об этом? – спросила она серьезно.

– Нет.

– Если ты мне не веришь, можем пойти к нему, я ему повторю все это в лицо, слово в слово, как сейчас тебе.

Я махнула рукой, показывая тем самым, что в этом нет необходимости.

– Я тебе верю, – пробормотала я, стараясь не смотреть ей в глаза и глядя через дверь на улицу.

Откуда-то издали до меня донесся голос Кармен: «Если пойдете к Нино, возьмите меня с собой: втроем мы его выведем на чистую воду, не отвертится!» Я почувствовала, как она легонько коснулась моей руки. В детстве мы собирались в саду возле церкви и читали фотороманы, так же сочувствуя попавшим в беду героиням и так же желая их поддержать. Кармен двигало то же чувство солидарности, только по-взрослому серьезное, искреннее, вызванное настоящей, а не выдуманной проблемой. Лила никогда не была поклонницей фотороманов и если теперь сидела напротив меня, то

по совершенно другим причинам. Я представила себе, как она ликовала и как ликовал Антонио, когда выяснилось, что Нино обманщик. Я видела, как они с Кармен переглянулись. Мгновения тянулись долго. «Нет», – прочла я по губам Кармен, и как бы в подтверждение этого она замотала головой.

Что «нет»?

Лила уставилась на меня, приоткрыв рот. Как обычно, она сочла своей обязанностью воткнуть мне в сердце булавку – не для того чтобы его остановить, а для того чтобы заставить биться еще сильнее. Прищуренные глаза, высокий, наморщенный лоб. Она ждала моей реакции. Она хотела, чтобы я закричала, расплакалась, кинулась к ней за помощью.

– Мне и правда пора, – спокойно произнесла я.

Я нарочно исключила Лилу из участия во всех последующих событиях.

Ей удалось меня ранить. Не открытием, что Нино больше двух лет врал мне о своем разрыве с женой, а тем, что она нашла доказательства тому, о чем твердила с самого начала, – что я сделала неправильный выбор и повела себя как последняя дура.

Несколько часов спустя мы встретились с Нино. Я делала вид, что все в порядке, только от объятий его уклонилась. Меня душила злоба. Я всю ночь пролежала с открытыми глазами, борясь с желанием прижаться к длинному телу мужчины, который так все испортил. На следующий день он собирался везти меня смотреть квартиру на виа Тассо, я согласилась и не выдала себя, даже когда он сказал: «Если тебе понравится, об оплате не беспокойся, я сам обо всем позабочусь: вскоре мне должны дать такое место, что проблем с деньгами у нас не будет». Только вечером я не выдержала и взорвалась. Мы приехали на виа Дуомо, а его друга, как обычно, дома не было.

– Хочу завтра встретиться с Элеонорой, – сказала я.

– Зачем? – Он смотрел на меня в растерянности.

– Мне надо с ней поговорить. Хочу узнать, что ей про нас известно. Когда ты ушел из дома, сколько вы с ней не спите.

Подали вы на развод или нет. Пусть расскажет, знают ли ее отец и мать, что вашему браку конец.

Он оставался спокоен.

– Так спроси у меня, если что-то не ясно, я объясню.

– О нет, теперь я поверю только ей, потому что ты врун.

Я начала орать и перешла на диалект. Он тут же сдался, сознался во всем, и у меня не осталось никаких сомнений, что Лила сказала правду. Я накинулась на него с кулаками и, пока колотила его в грудь, чувствовала, как на свободу вырывается какая-то другая я, которая хотела причинить ему как можно больше боли, надавать пощечин, плюнуть в лицо (в детстве я видела, как взрослые делали это во время ссор); мне хотелось орать, обзывать его поганцем, рассадить ему лицо и выцарапать глаза. Я поразилась сама себе. Поразилась и испугалась. *Неужели эта злобная фурия – тоже я? Проснувшаяся здесь, в Неаполе, в этой мерзкой квартире, готовая убить этого мужчину, воткнуть нож ему в сердце? И что мне делать? Сдерживать эту тень – тень моей матери и всех моих предков – или позволить ей вырваться наружу?* Я с криками колотила его. Поначалу он парировал мои удары едва ли не весело, но потом помрачнел, опустился в кресло и больше не пытался защищаться.

Я остановилась. Сердце выскакивало из груди.

– Сядь, – попросил он.

– Нет.

– Прошу тебя, дай мне возможность все объяснить.

Я рухнула на самый дальний от него стул и дала ему выговориться. «Ты прекрасно знаешь, – заговорил он сдавленным голосом, – что перед Монпелье я все рассказал Элеоноре и был уверен, что порву с ней. Но по возвращении все обернулось сложнее, чем я мог себе даже представить...»

Его жена буквально обезумела, жизнь Альбертино на его глазах превращалась в кошмар, и ему пришлось сказать ей, что мы больше не встречаемся. Ложь помогла, но ненадолго. Поскольку ему все труднее было придумывать правдоподобные объяснения своим частым отлучкам, скандалы с Элеонорой повторялись снова и снова. Однажды она накинулась на него с ножом, метя в живот, в другой раз настежь раскрыла балконную дверь и чуть не выбросилась вниз, в третий – ушла из дома вместе с ребенком. Ее не было целый день, и он чуть не умер от страха. Он нашел ее у тетки, с которой они были очень близки. С того дня Элеонора изменилась. В ней не осталось злобы, только презрение.

«Как-то утром, – продолжал Нино, – она спросила, правда ли я тебя бросил, и я ответил „да“. Она сказала: „Хорошо, я тебе верю“, – и после этого стала притворяться, что у нас все прекрасно. Понимаешь, *притворяться!* С тех пор мы так и живем в этой лжи, как будто так и надо. Я могу уезжать и приезжать, когда захочу, проводить время где угодно и с кем угодно. Она все знает, но ведет себя так, будто ничего не замечает».

Он перевел дыхание и прочистил горло, пытаясь понять,

слушаю я его или от злости оглохла. Я сидела, ни слова не говоря, и смотрела в сторону. Должно быть, он счел это добрым знаком, потому что возобновил свою исповедь, добавив ей убедительности. Он демонстрировал чудеса красноречия и вкладывал в свой рассказ всю душу: превозносил мои достоинства, сокрушался о своих недостатках, жаловался на то, как он страдает, и сетовал на свое отчаянное положение. Договорив, он потянулся ко мне, но я его оттолкнула. Он рыдался. «Я не прошу простить меня, – сквозь слезы бормотал он, – прошу только, чтобы ты меня поняла». – «Ты врал ей, врал мне, – перебила я его, – и делал это не ради любви, а ради себя! У тебя не хватило смелости сделать выбор. Ты трус». Я осыпала его самыми грязными ругательствами на диалекте, он все терпеливо сносил, только изредка бормотал что-то жалкое. Гнев душил меня, не давая говорить, и я замолчала. Он тут же снова пошел в наступление. Он доказывал мне, что врал вынужденно, чтобы избежать трагедии. Ему показалось, что он почти добился цели, и он тихим голосом сказал, что теперь, благодаря молчанию Элеоноры, мы прекрасно можем поселиться вместе. На это я спокойно ответила, что между нами все кончено. Я покинула его квартиру и в тот же день уехала в Геную.

Обстановка в доме Гвидо и Аделе делалась все более напряженной. То и дело звонил Нино: я либо сразу клала трубку, либо громко, на весь дом, объясняла ему, что я о нем думаю. Пару раз звонила Лиля, хотела узнать, как идут дела. «Хорошо, прекрасно, как же еще?!» – гаркнула я и швырнула трубку. Я была невыносима, без повода орала на Деде и Эльзу. Но особенно доставалось Аделе. Однажды утром я сказала ей, что мне прекрасно известно, что она пыталась помешать публикации моего эссе. Она и не подумала отнекиваться: «Потому что это просто памфлет, а я против того, чтобы издательство печатало памфлеты». – «Хорошо, пусть я пишу памфлеты, – ответила я, – зато ты за всю свою жизнь не написала даже памфлета! Непонятно только, откуда взялась твоя хваленая известность?» Она обиделась и прошипела: «Много ты обо мне знаешь». О, я знала о ней много, больше, чем она могла себе представить, но в тот раз промолчала. Зато высказалась через несколько дней: я только что наорала по телефону на Нино, и свекровь сделала мне замечание, что я на весь дом кричу на диалекте.

– Отстань, – буркнула я, – можно подумать, ты сама святая.

– Ты на что намекаешь?

– Сама знаешь.

– Ничего я не знаю.

– Пьетро рассказывал мне, как ты водила любовников.

– Я?

– Именно. И нечего прикидываться, что ты с луны свалилась. Я отвечаю за свои поступки перед всеми, в том числе перед Деде и Эльзой, и сама расплачиваюсь за последствия своих ошибок. А ты, что бы ты из себя ни изображала, просто лицемерная мещанка, привыкшая заметать свои пакости под ковер.

Аделе побледнела. Кожа у нее на лице натянулась, она на негнущихся ногах пошла и закрыла дверь гостиной. Вернувшись, она вполголоса прошипела, что я злобная дрянь и мне не понять, что значит любить по-настоящему и отказаться от любимого человека, что под маской милой послушной девушки скрывалась моя суть базарной воровки, готовой стянуть что плохо лежит, и что никакое образование и никакие книжки не в силах меня изменить. «Убирайся отсюда завтра же, – заключила она, – вместе со своими дочерьми. Бедняжки, мне их очень жаль! Возможно, останься они здесь, у них был бы шанс вырасти не такими, как ты!»

Я ничего не ответила, понимая, что перегнула палку. У меня было искушение извиниться, но я его переборола. На следующее утро Аделе приказала домработнице помочь мне собраться. «Сама соберусь», – крикнула я и вскоре, даже не попрощавшись с Гвидо, сидевшим у себя в кабинете и делавшим вид, что ничего особенного не происходит, очутилась

на вокзале, волоча за собой груды чемоданов и двух девочек, которые с любопытством озирались, не понимая, что происходит.

Помню, я жутко устала, в зале ожидания было очень шумно. Деде постоянно делала мне замечания: «Хватит меня толкать! И не кричи, я не глухая!» Эльза спрашивала: «Мы едем к папе?» Они радовались, что не пошли в школу, но в то же время – я чувствовала это – испытывали смутное беспокойство и без конца спрашивали: «А куда мы едем? А когда мы вернемся к бабушке с дедушкой? А где мы будем обедать? А где мы сегодня будем спать?» – и умолкали, стоило мне прикрикнуть.

Сначала, от отчаяния, я хотела купить билеты до Неаполя и без предупреждения заявиться к Нино с Элеонорой. «Так и сделаю, – распаляла я себя. – Это он виноват, что мы с дочками оказались на улице, пусть теперь расхлебывает!» Меня так и подмывало втянуть его в тот бардак, которым обернулась моя жизнь, поломать его существование, как он поломал мое. Он обманул меня. Сохранил семью, а меня держал для утех. Я сделала окончательный выбор, а он нет. Я бросила Пьетро, а он остался с Элеонорой. Значит, я имею полное право заявиться к нему и сказать: «Здравствуй, дорогой мой, вот и мы! Ты боялся, что твоя жена сойдет с ума, так вот, теперь с ума схожу я. И выкручивайся как знаешь!»

Я настраивалась на долгую, мучительную поездку до Неаполя, но в одну секунду изменила решение: объявления по

громкой связи оказалось достаточно, чтобы мы сели в миланский поезд. Мне позарез нужны были деньги, значит, надо было идти в издательство и выпрашивать работу. Только в вагоне я призналась себе, почему вдруг передумала. Несмотря ни на что, любовь к Нино продолжала отчаянно биться в моем сердце и не давала мне причинить ему боль. Сколько бы я ни писала о женской независимости, как бы многословно о ней ни рассуждала, я не могла обойтись без его тела, его голоса, его ума. С ужасом я осознала, что все еще хочу его и люблю сильнее, чем собственных дочерей. Одна мысль о том, что я его больше не увижу, рвала мне душу: свободная образованная женщина один за другим теряла свои лепестки; опадали женщина-мать, и существовавшая отдельно от нее женщина-любовница, и не имеющая отношения к женщине-любовнице озлобленная шлюха – и все они разлетались в разные стороны. Чем ближе мы подъезжали к Милану, тем отчетливее я понимала, что, избавившись от Лилы, стала подражать Нино. Я не умела быть *собой*, цельной личностью, обходиться без образцов для подражания. Потеряв его, я лишилась ядра, утратила способность видеть мир за пределами нашего квартала и превратилась в кучу обломков.

Раздавленная и изможденная, я добралась до дома Мариарозы.

Как долго я рассчитывала у нее пробыть? Как минимум, несколько месяцев, и – я не обольщалась на этот счет – это будут не самые простые месяцы. Золовка уже знала о моей ссоре с Аделе и со своей обычной прямоотой заявила мне:

- Ты знаешь, я люблю тебя, но зря ты так с моей матерью.
- Она тоже обошлась со мной ужасно.
- Не спорю, но раньше она тебе помогала.
- Помогала, чтобы я не замарала репутацию ее сына.
- Ты к ней несправедлива.
- Нет, я просто называю вещи своими именами.

Она посмотрела на меня недовольно, что было совсем на нее не похоже. Затем голосом, каким излагают правило, не терпящее исключений, сказала:

- Я тоже хочу назвать вещи своими именами. Моя мать – это моя мать. Говори что хочешь о моем отце и брате, но ее не трогай.

В остальном она была сама доброта и любезность. Она, как всегда спокойно, приютила нас, выделив нам большую комнату с тремя раскладушками, выдала белье и полотенца и предоставила нас самим себе, как поступала со всеми обитателями своей квартиры, которые внезапно появлялись там и столь же внезапно исчезали. Меня в очередной раз поразила ее живой взгляд: казалось, ее тело было наброшено по-

верх глаз, как выцветший халат. Я даже не заметила, какая она бледная, как сильно похудела. Я была так занята собой и своими бедами, что вскоре вообще перестала обращать на нее внимание.

Я немного привела в порядок захламленную, пыльную, грязную комнату, застелила постели себе и дочкам, составила список необходимых покупок. Но мой организационный порыв длился недолго. Мысли путались, я не знала, за что хвататься, и первые дни провисела на телефоне.

Я настолько стосковалась по Нино, что сразу позвонила ему. Он спросил у меня номер Мариарозы и с тех пор непрерывно звонил, несмотря на то что каждый наш разговор заканчивался ссорой. Я так радовалась каждому его звонку, что почти готова была его простить. «В конце концов, я тоже скрыла от него, что Пьетро вернулся домой и мы ночевали под одной крышей», – убеждала я себя. Но не могла не понимать, что это разные вещи: я с Пьетро не спала, а он спал с Элеонорой; я подала заявление о раздельном проживании, а его брак только укрепился. Мы снова ссорились, я кричала, что не желаю больше его слышать, но телефон продолжал регулярно звонить, по утрам и вечерам. Нино говорил, что не может без меня жить, умолял приехать в Неаполь, сказал даже, что снял квартиру на виа Тассо и она ждет нас с девочками. Он упрашивал, умолял, сулил мне золотые горы, но не говорил самого главного: что он *растался с Элеонорой навсегда*. Поэтому каждый наш разговор заканчивался одина-

ково: не обращая внимания на девочек и других обитателей квартиры, я орала, чтобы он перестал надо мной издеваться, и с остервенением швыряла трубку.

Я презирала сама себя, но не могла выбросить Нино из головы. Я писала какие-то статьи, куда-то через силу ездила, через силу возвращалась, я не жила, а выживала. Практика показала, что Лиля была права: я забросила дочерей, не занималась их воспитанием, не устроила их в школу.

Деде и Эльза были в восторге от новой жизни. Тетку они почти не знали, зато оценили исходившее от нее ощущение свободы. Дом на Сант-Амброджо продолжал служить своего рода причалом для тех, кому больше некуда было пойти. Мариароза принимала всех, со всеми вела себя как сестра, если не как добрая монахиня: никого не осуждала, прощала любые провинности, не обращала внимания на психические расстройства, закрывала глаза на нарушение законов и пристрастие к наркотикам. У девочек не было никаких обязанностей, они целыми днями, до позднего вечера, с любопытством шлялись по всей квартире. Слушали взрослые споры и взрослую болтовню, радовались, когда в доме играла музыка, звучали песни и затевались танцы. Тетушка уходила в университет рано утром и возвращалась вечером. Она никогда ни на кого не сердилась, а девочки ее только веселили; они ходили за ней по пятам, играли с ней в прятки и жмурки. Иногда она оставалась дома и устраивала большую уборку, привлекая девочек, меня и других гостей. Но больше, чем о

физическом благополучии, она заботилась о нашем умственном развитии и организовала что-то вроде вечерних курсов, на которые приглашала коллег из университета, или сама читала нам увлекательные лекции. Племянниц она сажала рядом с собой и постоянно обращалась к ним с вопросами. В такие вечера в квартире было не протолкнуться от ее друзей и подруг, которые приходили специально, чтобы послушать Мариарозу.

Однажды во время такого собрания в дверь постучали. Деде побежала открывать: ей нравилось встречать гостей. Вскоре девочка вернулась в гостиную и с испугом объявила: «Там полиция!» Среди собравшихся поднялся недовольный и даже сердитый ропот. Мариароза спокойно встала и пошла к полицейским. Их было двое: оказалось, на нас пожаловались соседи. Мариароза вела себя с полицейскими доброжелательно, пригласила в гостиную, едва ли не силой усадила рядом с нами и продолжила лекцию. Деде, которая раньше никогда не видела полицейских вблизи, прилипла к тому, что помоложе, положила локти ему на колени и завела с ним беседу. Мне запомнилась первая произнесенная ею фраза, которой она хотела доказать ему, что Мариароза – хороший человек:

– По правде говоря, моя тетя – настоящий профессор.

– По правде говоря? – переспросил полицейский с робкой улыбкой.

– Да.

– Как хорошо ты разговариваешь.

– Спасибо! Правда профессор, ее зовут Мариароза Айрота, она преподает искусствоведение.

Парень шепнул что-то на ухо своему старшему товарищу, они просидели у нас в заложниках минут десять и ушли. Деде проводила их до дверей.

Вскоре Мариароза и мне организовала выступление: на мой вечер собралось еще больше народу, чем обычно. Девочки сидели на подушках в первом ряду большой гостиной и внимательно меня слушали. Мне кажется, именно с того вечера Деде стала присматриваться ко мне с любопытством. Она была очень привязана к отцу и к деду, быстро полюбила Мариарозу, а мной совсем не интересовалась. Я была ее матерью, то и дело что-то ей запрещала, и она терпеть меня не могла. Наверное, ее удивило, что другие люди так внимательно слушают, что я говорю, а может, ей понравилось, с каким спокойствием я отвечала на острые вопросы, которые в тот вечер задавала мне в основном Мариароза. Единственная из собравшихся женщин, та заявила, что не согласна ни с одним моим словом, хотя именно она побуждала меня учиться, писать, публиковаться. Не спрашивая разрешения, она рассказала о моей стычке с матерью во Флоренции, из чего я вывела, что ей известны все подробности. Умело жонглируя умными цитатами, она доказывала мне и собравшимся, что женщина, не уважающая своего происхождения, – потеряна.

На время своих отлучек я оставляла девочек на золовку, но вскоре обнаружила, что большую часть времени ими занимается Франко. Вообще он почти не выходил из своей комнаты, не участвовал в лекционных собраниях, не обращал внимания на появлявшихся и исчезающих обитателей квартиры. Но к моим дочкам он привязался и по-своему занялся их образованием. Он научил Деде находить нелепости – так она называла это в разговорах со мной – в классических текстах, например у Менения Агриппы, которого они проходили в школе, куда я наконец ее отдала. «Мама, плебеи, конечно, восхищались красноречием Менения Агриппы, – со смехом говорила она, – только разве могут органы одного человека нормально питаться, если набивают чужой желудок? Ха-ха-ха»². У него же она научилась показывать на большой карте области, утопающие в богатстве или страдающие от чудовищной бедности. «Какая ужасная несправедливость!» – повторяла она за ним.

Как-то вечером, когда Мариарозы не было дома, мой бывший пизанский любовник, кивнув на девочек, с криками но-

² Речь идет о знаменитой притче Менения Агриппы о том, как органы восстали против желудка, не желая более кормить его, в результате чего ослабли и погибли. Под «желудком» в притче подразумеваются сенаторы и патриции, а ее смысл сводится к необходимости поддержки власти.

сившихся по квартире, сказал мне серьезным и печальным голосом: «Подумать только, а ведь это могли быть наши дети». – «Могли, только были бы старше на пару лет», – согласилась я. Он опустил взгляд, уставившись на свои ботинки, а я смотрела на него и пыталась отыскать черты того богатого и увлеченного учебной студента, которого знала пятнадцать лет назад. Передо мной был он и в то же время не он. Он ничего не читал, не писал, весь последний год почти не участвовал в общих собраниях и дебатах. О политике – единственном настоящем своем увлечении – он говорил без былой страсти и азарта и даже свои мрачные предсказания излагал в насмешливом тоне. С намеренно преувеличенным пессимизмом он перечислял мне грядущие неизбежные катастрофы: «Во-первых, гибель субъекта революции – рабочего класса; во-вторых, растрата политического наследия социалистов и коммунистов, которые уже сегодня передрались между собой, выясняя, кто – или что – сыграло ключевую роль в поддержке капитализма; в-третьих, крах любых надежд на возможные перемены: все идет как идет, надо смириться и приспособиться». – «Ты и правда во все это веришь?» – скептически спросила я. «Конечно, – засмеялся он. – Впрочем, ты знаешь, что в полемике я силен и могу при помощи тезиса, антитезиса и синтеза доказать тебе прямо противоположное: что коммунизм неминуем, что диктатура пролетариата – это высшая форма демократии, что Советский Союз, Китай, Северная Корея и Таиланд гораздо лучше Соединенных Шта-

тов, а проливать кровь ручьями и реками иногда, конечно, преступно, но иногда и справедливо. Так тебе больше нравится?»

Только два раза мне довелось увидеть его прежним. Однажды утром к нам пришел Пьетро, без Дорианы, с видом инспектора, который явился проверить, в каких условиях живут дети, в какую школу ходят, всего ли им хватает. Момент был напряженный. Может, девочки слишком много ему рассказали, может, по-детски что-то присочинили, но только он накинулся сначала на сестру, а потом на меня, обвинив нас в безответственности. Я потеряла терпение и крикнула: «Конечно, ты всегда прав! Вот и забирай их себе и воспитывай вместе с Дорианой!» Тут из своей комнаты появился Франко. Припомнив свое былое красноречие, когда-то помогавшее ему управлять буйными сборищами, он завел с Пьетро ученый спор о семейных отношениях и воспитании детей. Они дошли до Платона, совершенно забыв о нас с Мариарозой. Муж уехал раскрасневшийся, с горящими глазами, в крайнем возбуждении и страшно довольный, что нашел достойного собеседника для умной и культурной дискуссии.

Еще более бурным и ужасным был день, когда у нас на пороге без предупреждения появился Нино. Он явно устал от долгой поездки на машине и выглядел не лучшим образом. Во мне вспыхнула надежда, что он приехал за нами. «Пусть только скажет: „Я разобрался с женой“, – думала я, – и мы уедем с ним в Неаполь». Я бы простила ему все, ни о чем

не стала бы вспоминать, настолько устала жить в подвешенном состоянии. Но надеялась я напрасно. Мы закрылись в комнате, и он, заикаясь, ломая руки и теребя волосы, сообщил, что не может расстаться с женой. Задыхаясь, он пытался объяснить, что не хочет отказываться от меня, а это возможно, только если он останется с Элеонорой. В другой ситуации мне стало бы его жаль: я видела, что он действительно мучится. Но тогда меня несколько не заботила глубина его страданий.

– Что ты такое несешь? – с изумлением спросила я.

– Я не могу оставить Элеонору, но и без тебя жить не могу.

– То есть ты предлагаешь мне сменить роль любовницы на роль второй жены?

– Что ты говоришь? Это не так.

Но это было именно так. Я встала и указала ему на дверь. Я была по горло сыта его враньем, его отговорками, его жалкими оправданиями. В ответ он, едва шевеля губами, словно слова застревали у него в горле, назвал мне причину своего приезда. Оказалось, он «не хотел, чтобы я узнала от других», что Элеонора беременна. На восьмом месяце.

Сегодня, когда у меня целая жизнь за спиной, я понимаю, что слишком бурно отреагировала на это известие, – пишу и смеюсь сама над собой. Я знаю огромное количество таких историй о любви и сексе, наслушалась их и от мужчин, и от женщин, – что поделаться, это неуправляемые животные инстинкты. Но тогда мне сорвало крышу. *Элеонора на восьмом месяце* – более страшного удара Нино не мог мне нанести. Я сразу вспомнила, как неуверенно Ли́ла переглядывалась с Кармен, как они переглядывались, будто советовались, сказать мне все или нет. Значит, Антонио выяснил и про ее беременность? И они все знали? Но почему Ли́ла решила утаить от меня эту новость? Взяла на себя обязанность дозировать мою боль? Что-то оборвалось у меня в груди и в животе. Нино, задыхаясь от волнения, невнятно бормотал, что, забеременев, жена окончательно успокоилась, но бросить ее теперь он никак не может, а я, скрестив на груди руки, вдруг согнулась пополам от пронзившей все тело боли, не в силах не то что кричать, но даже говорить. Затем я резко выпрямилась. Дома был только Франко. Никто из безумных больных дам и безутешных певичек у нас в то время не жил, а девочек Мариароза увела на улицу, чтобы дать нам с Нино возможность вволю поругаться. Я открыла дверь и все еще слабым голосом позвала Франко. Он тут же пришел, я показала ему

пальцем на Нино и прохрипела: «Выгони его отсюда».

Он его не выгнал, но жестом показал, чтобы тот молчал. Он не спрашивал, что случилось, вместо этого взял меня за запястья, постоял со мной, подождал, пока я приду в себя. Затем отвел меня на кухню, усадил на стул. Нино поплелся за нами. Я заламывала руки и сдавленно стонала. Когда Нино попытался приблизиться ко мне, я повторила: «Выгони его». Франко отвел его в сторону и спокойно произнес:

«Оставь ее в покое. Уходи». Нино послушно вышел из кухни, а я сбивчиво, поминутно умолкая, рассказала Франко, что случилось. Он слушал меня не перебивая, пока не понял, что больше у меня нет сил говорить. Тогда он в своей обычной наукообразной манере сказал, что наслаждаться тем, что есть, вместо того чтобы ждать невозможного, — не такая уж плохая привычка. Я взвилась: «Вечно эти ваши мужские оправдания! Плевать я хотела на ваши наслаждения! Хватит чушь пороть!» Он не обиделся и призвал меня оценить ситуацию трезво. «Давай порассуждаем. Этот человек врал тебе два с половиной года, говорил, что оставил жену, что между ними ничего нет, а теперь выясняется, что семь месяцев назад она от него забеременела. Это ужасно, ты права, Нино подлец. Но заметь, он же мог просто исчезнуть из твоей жизни и забыть про тебя навсегда. Подумай, зачем ему было ехать из Неаполя в Милан, целую ночь провести за рулем? Зачем он пришел сюда унижаться, каяться? Зачем ему умолять тебя не бросать его? Наверное, это что-

то да значит...» – «Это значит, – завопила я, – что он врун, пустышка и ему не хватает мужества сделать выбор». Франко кивал, со всем соглашался, но потом спросил: «А что, если он действительно тебя любит и знает, что по-другому любить не сможет?»

Возможности наорать на него за то, что неожиданно встал на сторону Нино, мне не дали. Дверь открылась, на пороге появилась Мариароза. Девочки узнали Нино и, мигом забыв о днях и месяцах, когда их отец использовал его имя исключительно как ругательство, кинулись к нему. Нино заговорил с ними, Франко и Мариароза стали меня успокаивать. Как все это было сложно! Деде и Эльза громко болтали и смеялись, а Мариароза и Франко пытались привести меня в чувство при помощи рациональных аргументов. Они призывали меня подумать здраво, но сами при этом не могли сдерживать волнения. Франко вопреки своему обыкновению рубить плеча неожиданно заговорил о компромиссе. Золовка при всем сочувствии ко мне защищала Нино и – особенно – бедную Элеонору, чем сильно меня обидела, – возможно, случайно, а возможно, и с расчетом. «Не злись, – говорила она, – ну рассуди, ты ведь тоже женщина. Разве ты способна ради своего счастья погубить другую женщину?»

И так до бесконечности. Франко уговаривал меня смириться с тем, что есть, и решить, что в данных обстоятельствах будет для меня лучше; Мариароза рисовала передо мной портрет Элеоноры, брошенной с грудным ребенком на

руках, и предлагала: «Попробуй с ней поговорить – вот увидишь, вы поймете друг друга, она же твое зеркальное отражение, а ты – ее». «Что за чушь они несут, – думала я. – Почему я должна выслушивать подобные глупости от людей, которые ничего не понимают и не могут понять. Лила развернулась бы и ушла – она всегда так делает. Лила сказала бы: „Ты уже наломала достаточно дров. Плюнь им в рожу и беги!“ Любимый ее выход из любой ситуации». Но мне было страшно, а болтовня Мариарозы и Франко не только не помогла мне, но запутала еще больше. Я посмотрела на Нино. Какой он был красивый и как ловко подлизывался к моим дочкам. Он привел их к нам на кухню и как ни в чем не бывало сказал, обращаясь к Мариарозе: «Тетушка, какие прекрасные у вас племянницы!» При этом он коснулся пальцами ее обнаженного колена. Я увела его из дома, и мы пошли пройтись до базилики Сант-Амброджо.

Помню, было жарко. Мы шли вдоль красной кирпичной стены, над нами кружил пух платанов. Я сказала Нино, что мне нужно время, чтобы привыкнуть обходиться без него. Он ответил, что никогда не сможет жить без меня. «Конечно, – ответила я. – Ты вообще ни с кем расстаться не в состоянии». Он твердил, что все не так, что это все обстоятельства, что он должен сохранять эти отношения ради нас, чтобы быть со мной. Я поняла, что мне его не переубедить: он видел перед собой лишь бездну и был слишком напуган. Я проводила его до машины. Прежде чем завести мотор, он

спросил меня: «Что ты думаешь делать?» Я промолчала. Я не знала ответа на этот вопрос.

Принимать решение мне пришлось несколько недель спустя: обстоятельства вынудили. Мариарозе надо было по делам съездить в Бордо. Перед отъездом она отвела меня в сторону, чтоб никто не слышал, и завела довольно сумбурный разговор о Франко. Она просила все время ее отсутствия быть рядом с ним, потому что он в глубокой депрессии. Я и раньше догадывалась, что с Франко все непросто, но, поглощенная проблемами, не думала об этом. Теперь я наконец поняла, что Мариароза не играет с ним в добрую самаритянку, как со всеми нами, его она любит по-настоящему. Она стала ему и матерью, и сестрой, и любовницей одновременно, и вечная тревога на лице, и неестественная худоба объяснялись тем, что она боялась за него – он мог сломаться в любую минуту.

Ее не было восемь дней. С огромным трудом (голова у меня была забита другим) я присматривала за Франко, каждый вечер допоздна с ним болтала. К моей радости, вместо разговоров о политике он предпочитал рассказывать о себе или о тех днях, когда нам было так хорошо вместе. Мы вспоминали наши весенние прогулки по Пизе, вдоль Арно, он делился со мной тем, что обычно держал при себе: говорил о своем детстве, родителях, бабушках и дедушках. Он и мне давал возможность выговориться: я болтала о новом контракте с

издательством, о том, что мне надо срочно садиться за новую книгу, о возможном возвращении в Неаполь, о Нино. Мне особенно нравилось, что он избегал общих рассуждений и высоких слов, предпочитая ясность мысли и иногда пугающую откровенность. В один такой вечер, когда он показался мне еще более подавленным, чем обычно, он сказал: «Если он значит для тебя больше, чем ты сама, придется тебе брать его со всем багажом: женой, детьми, дурной привычкой трахать всех баб подряд и другими мерзостями. Эх, Лену, Ленучча...» Он расстроено покачал головой, но потом рассмеялся, поднялся с кресла, произнес туманную фразу о том, что любовь, по его мнению, кончается только тогда, когда можно без страха и отвращения вернуться к себе самому, и вышел из комнаты, неуверенно передвигая ноги, будто проверял, точно ли под ним есть пол. Не знаю почему, тем вечером мне вспомнился Паскуале – полная противоположность Франко по социальному положению, культуре, политическим взглядам. Почему-то мне подумалось, что, если бы моему старому другу удалось вернуться живым из той тьмы, что его поглотила, у него была бы именно такая походка.

Весь день Франко просидел взаперти в своей комнате. На вечер у меня была назначена встреча по работе, я постучала к нему в дверь и спросила, сможет ли он накормить ужином Деде и Эльзу. Он пообещал все сделать. Вернулась я поздно. На кухне Франко оставил ужасный беспорядок, хотя всегда за собой убирал. Я все прибрала, помыла посуду. Спала я

недолго, встала в шесть. По пути в ванную, проходя мимо его комнаты, обратила внимание на пришпиленный к двери кнопкой тетрадный лист: «*Лену, не пускай в комнату девочек*». Сначала я подумала, что Деде с Эльзой надоели ему за эти дни или вчера вечером чем-то его рассердили, и он решил их таким образом наказать, но потом поняла, что этого не может быть: Франко обожал моих дочек и ни за что так с ними не поступил бы. Около восьми я несмело постучала в дверь. Никто не отозвался. Я постучала сильнее, осторожно приоткрыла дверь: в комнате было темно. Я позвала Франко – он не отозвался, тогда я включила свет.

Подушка и простыни были в крови, огромное черное пятно расплзлось до самых его ног. Как омерзительна смерть! Здесь скажу только, что, когда я увидела его безжизненное тело, меня охватили одновременно отвращение и жалость. Я знала это тело во всех интимных подробностях, я видела этого человека счастливым, энергичным, знала, сколько книг он прочитал, сколько всего повидал в жизни. В голове не укладывалось: Франко, всегда такой живой, исполненный благородных целей и надежд, Франко – образец хороших манер, – и вдруг это ужасное зрелище. Как мог он так жестоко поступить со своей памятью, языком, умом?! Как он должен был ненавидеть себя, свое тело, свои настроения, мысли, слова, весь отвратительный вывих этого мира, заразивший его своей мерзостью!

В последующие дни мне часто вспоминалась Джузеппина,

мать Паскуале и Кармен. Она тоже не смогла вынести себя и жизни, что выпала ей на долю. Но Джузеппина родилась за-долго до моего рождения, а Франко был моим ровесником, и потрясение от его противоестественной смерти долго не от-пускало меня. Я долго думала над оставленной им запиской. Он обращался ко мне, как бы говоря: «Не пускай сюда дево-чек, я не хочу, чтобы они видели меня таким, а сама заходи, ты *должна* меня увидеть». Я и сегодня продолжаю думать о той его двойной просьбе: одной явной, другой скрытой. После похорон, на которых собралась толпа активистов (Фран-ко, несмотря ни на что, все знали и уважали), я пыталась сблизиться с Мариарозой, хотела поговорить с ней о нем, но она не позволила. Она совсем перестала следить за собой, ни с кем не хотела видаться, ее живой взгляд потух. Дом поне-многому опустел. Она больше не видела во мне сестру и с каж-дым днем вела себя все более враждебно. Она или целые дни проводила в университете, или закрывалась у себя в комнате и просила ее не беспокоить. Шумные игры девочек все боль-ше ее раздражали, но еще сильнее она злилась на меня, если я запрещала им шуметь. Вскоре я собрала чемоданы, и мы с Деде и Эльзой уехали в Неаполь.

На сей раз Нино не обманул: он действительно снял для нас жилье на виа Тассо. Мы въехали туда сразу, хотя квартира кишела муравьями, а из мебели в ней была только двуспальная кровать без изголовья, кроватки для девочек, стол и пара стульев. Никаких разговоров о любви я с Нино больше не вела, о планах на будущее не заикалась.

Я лишь сообщила ему, что переехала вынужденно, из-за Франко, и что у меня для него две новости – одна хорошая, вторая плохая. Хорошая новость заключалась в том, что мое издательство согласилось напечатать подборку его эссе при условии, что он перепишет их не таким сухим языком, плохая – что он больше не коснется меня и пальцем. Первую новость он воспринял с восторгом, вторую – с отчаяньем. В итоге все вечера мы проводили вместе, сидя рядом и правя каждый свой текст. Этой близости оказалось достаточно, чтобы я сменила гнев на милость. Элеонора еще ходила беременная, когда мы снова стали любовниками. Ко дню рождения девочки, которую называли Лидией, мы с Нино опять превратились во влюбленную парочку со своими привычками, красивым домом, двумя дочками и бурной личной и общественной жизнью.

– Только не думай, – сразу заявила я ему, – что все всегда будет по-твоему. Пока я не могу без тебя обходиться, но рано

или поздно брошу.

– Не бросишь, я не дам тебе повода.

– Поводов у меня и так предостаточно.

– Скоро все изменится.

– Посмотрим.

Конечно, это все был фарс: я пыталась убедить себя, что поступаю разумно, хотя разумом тут и не пахло – сплошное унижение. Переиначивая слова Франко, я твердила себе: «Я всего лишь беру от жизни то, в чем сейчас нуждаюсь, но скоро мне надоест его физиономия, его речи, отступят все желания – и я пошлю его куда подальше». Когда я ждала его целый день, а он так и не приходил, я уверяла себя, что так даже лучше, что у меня куча дел, а он мне только мешает. Когда меня охватывала ревность, я успокаивала себя: «Любит-то он все равно одну *меня*». Когда я вспоминала о его детях, то и тут находила утешение: «Он с Деде и Эльзой проводит больше времени, чем с Альбертино и Лидией». Все это была правда и в то же время ложь. Да, меня уже не тянуло к Нино с той силой, как раньше. Да, у меня была куча других дел. Да, Нино любил меня, любил Деде и Эльзу. Но были и другие «да», которых я пыталась не замечать. Да, я была привязана к нему. Да, я готова была бросить все, лишь бы он остался со мной. Да, его привязанность к Элеоноре, Альбертино и новорожденной Лидии была по меньшей мере так же сильна, как ко мне и моим дочерям. Эти «да» я старалась спрятать за темной ширмой, а когда из-под нее выглядывало

что-нибудь, что делало очевидным реальное положение дел, я спасалась громкими словами о становлении нового мира: дескать, все меняется, появляются новые формы отношений и тому подобное. Эти и похожие глупости я повторяла вслух, выступая на публике, и о них же писала в своих статьях.

Трудности обрушивались на меня с регулярностью парового молота, оставляя на моем существовании все новые трещины. Город за прошедшее время ничуть не стал лучше: он по-прежнему высасывал из меня все силы. Жить на виа Тассо оказалось очень неудобно. Рино раздобыл для меня подержанный «Рено 4» белого цвета. Сначала я пришла в восторг, но вскоре выяснилось, что ездить из-за пробок невозможно. От повседневных забот голова шла кругом – такого со мной никогда не было ни во Флоренции, ни в Генуе, ни в Милане. Деде с первого дня в школе возненавидела учительницу и одноклассников. Эльза пошла в первый класс и теперь каждый день возвращалась домой расстроенная, с зареванными глазами, и отказывалась говорить, что случилось. Я ругала обеих, говорила, что они не умеют постоять за себя, приспособиться к обстановке, заставить себя уважать и что им придется этому научиться. Сестры встречали мои попреки единым фронтом, все чаще вспоминая Аделе и Мариарозу, при которых они жили как в раю. Я пыталась расположить их к себе лаской, обнимала и целовала. Иногда они нехотя отвечали на мои объятия, но могли и оттолкнуть. Что до работы, то мне очень скоро стало очевидно, что я напрас-

но покинула Милан: надо было постараться устроиться в издательство, пока все складывалось в мою пользу. Или перебраться в Рим: когда я ездила туда с презентацией книги, познакомилась с людьми, которые могли бы мне помочь. Что мы с дочками вообще делали в Неаполе? Неужели мы торчали там только ради того, чтобы доставить удовольствие Нино? А как же мое стремление к свободе и независимости? Неужели я просто врала себе? Значит, и своей публике я тоже врала, изображая из себя спасительницу, которая двумя книжками поможет каждой женщине признаться в том, о чем она до сих пор боялась говорить? Неужели мне просто хотелось в это верить, а на деле я ничем не отличалась от своих ровесниц с их традиционными взглядами на роль женщины? Если отбросить болтовню, то придется признать: я позволила мужчине полностью определить, как мне жить, и поставила его интересы выше своих и интересов своих дочерей.

Я научилась убегать от этих мыслей. Стоило Нино постучать в дверь, как все мои сожаления улечивались. «*Сейчас*, – говорила я себе, – все идет как идет, и по-другому быть не может». Я старалась держать себя в руках, не поддаваться отчаянию, иногда мне даже удавалось почувствовать себя счастливой. Квартиру заливал солнечный свет, с балкона открывался вид на Неаполь, лежавший как на ладони, простираясь до самой золотисто-голубой кромки моря. Я сумела вытащить дочерей из временных пристанищ в Генуе и

Милане. Воздух, яркие краски, звучание диалекта на улице, образованные люди, которых Нино мог привести в мой дом в любое время, даже посреди ночи, вселяли в меня уверенность и дарили радость. Я возила девочек к Пьетро во Флоренцию и с удовольствием принимала у себя, когда он приезжал в Неаполь. Несмотря на недовольство Нино, я стелила ему постель в комнате дочек, а они не отходили от него ни на шаг, как будто верили, что, если папа увидит, как сильно они его любят, он останется. Мы старались вести непринужденные беседы; я интересовалась, как дела у Дорианы, расспрашивала о его книге, которая, как всегда, должна была вот-вот выйти, но вдруг всплывали некоторые детали, требовавшие отдельного освещения. Девочки жались к отцу, на меня даже не смотрели, и я отправлялась немного прогуляться: спускалась по Арко-Мирелли, проходила по виа Караччоло вдоль моря или поднималась до виа Аньелло-Фальконе, шла до Флоридианы, садилась на скамейку и читала.

С виа Тассо наш квартал представлялся бесцветными каменными развалинами, едва различимыми у подножия Везувия. Мне хотелось, чтобы так оно и было: теперь, когда я стала другим человеком, мне верилось, что больше ему меня не засосать. Но и на сей раз моя решимость оказалась не такой твердой, как я воображала. Когда первая суэта по обустройству квартиры осталась позади, я выдержала дня три, от силы четыре, а потом старательно нарядила девочек, сама оделась получше и объявила: «Пойдем навестим бабушку Иммаколату, дедушку Витторио и ваших дядей».

Мы вышли рано утром и сели в метро на пьядца Амедео. Девочки были в восторге: ветер, поднятый поездом, трепал волосы, раздувал подолы платьев, перехватывал дыхание. Я не видела мать с того самого скандала во Флоренции. Я боялась, что она не захочет со мной разговаривать, и потому не звонила заранее и не предупреждала о нашем приходе. Признаться честно, была и еще одна причина, заставившая меня отправиться в родной квартал. Скажем так, я решила убить двух зайцев одним выстрелом. Квартал для меня был в первую очередь связан не с родней, а с Лилой. Все это время меня мучил вопрос, как теперь быть с ней, – за ответом на него я туда и поехала. Именно поэтому я так наряжала девочек и прихорашивалась сама – вдруг столкнемся с ней

случайно на улице. Мне хотелось, чтобы она увидела: я прекрасно выгляжу, мои дочери не брошены, не страдают и всем довольны.

Это был трудный день. Мы прошли по туннелю, нарочно обошли стороной заправку, где работала Кармен с мужем Роберто, и пересекли наш двор. Когда я поднималась по разбитым ступеням дома, в котором родилась, сердце у меня колотилось. Деде с Эльзой пришли в радостное возбуждение: им все это казалось настоящим приключением. Я выставила девочек вперед и позвонила в дверь. Послышалось шарканье хромых ног, и дверь открылась. Мать смотрела на нас вытаращив глаза, будто ей явились сразу три привидения. Я тоже впала в ступор: слишком велика была разница между ожиданием и реальностью. Мать очень изменилась. На какую-то долю секунды мне даже почудилось, что это не она, а ее кузина, которую я несколько раз видела в детстве, она была очень на нее похожа, только старше лет на шесть или семь. Мать еще больше исхудала, на лице выступили скулы, нос и уши как будто стали еще крупнее.

Я хотела ее обнять, но она увернулась. Отца не было дома, Пеппе и Джанни тоже. Узнать, где они, не представлялось возможным, поскольку за целый час мать не сказала мне ни слова. Зато с девочками была очень ласкова, нахваливала их, потом надела на обеих огромные фартуки, чтобы не запачкались, и повела делать сахарные леденцы. Я не знала, куда мне деться, а она делала вид, что меня нет. Я сказала девочкам,

что сладостей на сегодня хватит, но Деде тут же нашлась:

– Бабушка, можно нам еще?

– Ешьте сколько хотите, – ответила мать, не глядя в мою сторону.

Та же история повторилась, когда мать разрешила внукам пойти поиграть во дворе. Ни во Флоренции, ни в Генуе, ни в Милане я не отпускала их на улицу одних.

– Нет, девочки, во двор нельзя, – сказала я, – играйте здесь.

– Бабушка, можно нам во двор? – хором переспросили они.

– Я же сказала, что можно.

Мы остались одни.

– Я переехала. Живу на виа Тассо, – сказала я и поймала себя на мысли, что, как в детстве, боюсь ее.

– Хорошо.

– Три дня назад переехали.

– Хорошо.

– Я написала еще одну книгу.

– А мне-то что?

Я замолчала. Она с недовольным видом разрезала на две части лимон и отжала в стакан сок.

– Ты пьешь воду с лимоном? Заболела?

– Еще бы! Смотрю на тебя – и желудок аж скручивает.

Она налила воды в стакан, добавила щепотку соды и выпила залпом, шумно сглатывая.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Отлично.

– Неправда. К врачу ходила?

– Делать мне больше нечего, только деньгами разбрасываться на врачей и таблетки.

– Элиза знает, что ты болеешь?

– Элиза беременна.

– И вы мне не сообщили?

Она не ответила, поставила стакан в раковину, тяжело вздохнула и вытерла губы рукой.

– Я сама отведу тебя к врачу. Только скажи, что случилось?

– Со мной-то? А то ты не знаешь. Что ты мне устроила, то и случилось: это из-за тебя у меня в животе жила лопнула.

– Что ты такое говоришь?

– Ты, ты меня поломала.

– Я очень люблю тебя, мама.

– А я тебя нет. Значит, ты переехала в Неаполь вместе с детьми?

– Да.

– А муж твой с вами приехал?

– Нет.

– Тогда нечего тебе тут делать. Чтобы ноги твоей больше в этом доме не было.

– Mam, сейчас совсем другие времена. Можно быть порядочным человеком, даже если вы расстались с мужем, даже

если живешь с другим. Что ты на меня одну нападаешь? А как же Элиза, беременная и не замужем? Почему ты ей ничего не говоришь?

– Потому что Элиза не ты. Разве Элиза училась, как ты? Разве я ждала от Элизы того, чего от тебя ждала?

– Так ты должна быть мной довольна. Фамилия Греко теперь известна, меня даже за границей знают.

– Хватит выпендриваться, ты никто. Возомнила о себе бог весть что, а для нормальных людей ты никто. Меня тут уважают не за то, что я тебя родила, а за то, что я родила Элизу. Она не училась, даже среднюю школу не кончила, а стала синьорой. А ты со своими дипломами кто теперь? Девочек только жалко: такие красавицы, так хорошо говорят. О них ты подумала? С таким отцом они бы росли, как богатые детки из телепередач, а ты что наделала? В Неаполь их притащила?

– Мам, это я с ними занимаюсь, я их учу, а не отец. Как они росли, так и дальше будут.

– Выскочка ты, вот кто. Как я в тебе ошибалась! Я думала, Лина выскочка, а это ты. Твоя подруга дом родителям купила, а ты что? Купила ты нам дом? Твоя подруга командует тут всеми, у нее даже Микеле Солара по струнке ходит. А ты кем командуешь? Поганцем сыном Сарраторе?

Она принялась расхваливать Лилу: «Какая Лина красавица, какая благородная девушка! У них с Энцо теперь своя фирма: вот люди – сразу видно, делом заняты!» Тут я поня-

ла, чем больше всего перед ней провинилась, – тем, что оказалась хуже Лилы. Мать сказала, что хочет что-нибудь приготовить для Деде и Эльзы – обо мне ни слова. «Значит, ей даже к столу меня пригласить противно», – подумала я. Мы с детьми ушли, не дожидаясь обеда.

Мы шли вдоль шоссе, когда я заколебалась: может, подождать отца у ворот, хоть поздороваться с ним? Или пройтись по кварталу в поисках братьев? Или зайти к сестре, только вот дома ли она? Из телефонной будки я позвонила Элизе и повела девочек к ней – в огромную квартиру с видом на Везувий. Беременности еще не было заметно, но сестра очень изменилась. Беременность не только заставила ее разом повзрослеть, но и как-то искорежила. В ней появилась какая-то вульгарность: во внешности, в словах, в голосе. Лицо у нее было землистого цвета, недовольное – она нам явно не обрадовалась. От любви или хотя бы детского уважения не осталось и следа. Вопрос о болезни матери ее разозлил – таким тоном она раньше никогда со мной не говорила.

– Лену, врач сказал, что с ней все в порядке, просто она страдает. Мама совершенно здорова! Конечно, ей плохо, только болезнь тут ни при чем. Это все из-за тебя. Ты очень ее огорчила, вот она и сникла!

– Что за чушь ты несешь?

– Чушь, говоришь?! – Она разозлилась еще больше. – Я просто тебе объясняю, что у меня со здоровьем хуже, чем у мамы. И раз уж ты теперь живешь в Неаполе и знаешь больше, чем врачи, позаботься о ней хоть немного. Хоть чуть-чуть о ней подумай – она и расцветет!

Я сдерживалась: не хотела ссориться. Почему она так со мной говорит? Неужели я тоже настолько изменилась в худшую сторону? Неужели нашей дружбе конец? Или дело не во мне, а в самой Элизе? Может, она, самая младшая в нашей семье – живое доказательство того, что квартал портит людей еще быстрее, чем раньше? Деде с Эльзой молчали, скромно сидя рядом, явно расстроенные, что тетя совсем не обращает на них внимания. Я разрешила им доесть бабушкины леденцы и вернулась к разговору с сестрой:

– Как у вас дела с Марчелло?

– Отлично, как же еще? Если бы не смерть его матери, мы были бы абсолютно счастливы. А так у него столько забот...

– Ты про какие заботы?

– Про обычные, Лену, про обычные. Ты привыкла о книжках думать, а в жизни все по-другому.

– А Пеппе и Джанни как?

– Работают.

– Никак не могу их застать.

– Сама виновата, не приезжаешь никогда, вот и не застаешь.

– Теперь буду чаще приезжать.

– Ну и молодец. А еще поговорила бы ты со своей подружкой Линой.

– А что случилось?

– Ничего, но у Марчелло и без нее забот хватает, а тут еще она.

– Ничего не понимаю.

– А ты спроси у Лины. И если ответит, скажи ей, чтобы перестала совать нос в чужие дела.

В ее словах я узнала манеру Солара говорить недомолвками и поняла, что былого доверия между нами уже не будет. Я сказала, что с Лилой мы не общаемся, но, со слов матери, она уволилась от Микеле и открыла свое дело.

– Открыла-открыла... На наши деньги! – взорвалась Элиза.

– Как это? Объясни ты мне наконец, что тут творится?

– Да что тут объяснять, Лену? Подружка твоя крутит Микеле как хочет. Только вот с моим Марчелло у нее это не пройдет!

В общем, приглашения на обед мы не дождались и от Элизы. Мы уже стояли в дверях, когда Элиза, видимо, поняла, что повела себя невежливо, и позвала Эльзу: «Пойдем-ка с тетей». Они ушли в комнату: за пару минут, что их не было, Деде вся извелась, вцепилась мне в руку и не отпускала. Элиза вернулась серьезная, но довольная. Не успели мы выйти на лестничную клетку, как Элиза поспешила закрыть за нами дверь, как будто лишней минуты не желала с нами находиться.

Только на улице Элиза показала нам секретный подарок от тети: двадцать тысяч лир. Элиза подарила ей деньги; в детстве родственники чуть богаче нас часто делали так же. Деньги тогда дарили детям для виду: на самом деле все понимали, что мы тут же отдадим их матери, чтобы семья хоть как-то сводила концы с концами. Элиза тоже дала деньги не столько Эльзе, сколько мне, но цель у нее была другая. Этими двадцатью тысячами лир, которых хватило бы на покупку трех дорогих книг, она хотела доказать мне, что Марчелло любит ее и что они живут в достатке.

Девочки начали драться, я их еле успокоила. Эльзу пришлось допрашивать с пристрастием, чтобы выбить из нее признание, что тетя велела поделить деньги: десять тысяч ей, десять – Деде. Они все еще ругались и дергали друг друга

за волосы, когда я услышала, как меня окликнули по имени. Это была Кармен. Из-за холодного приема у сестры и детской ссоры я совсем забыла обойти заправку стороной. Теперь Кармен приветливо махала мне рукой: черные кудрявые волосы, широкое лицо, форменная голубая рубашка.

Сбежать не удалось. Кармен закрыла заправку и потащила нас к себе обедать. Вскоре пришел ее муж, которого я раньше никогда не видела. Оказалось, он ходил в школу за детьми. У них было два мальчика: старший – ровесник Эльзы, второй на год младше. Роберто оказался очень славным. Он с помощью сыновей накрыл на стол, а после обеда сам убрал и вымыл посуду. Я впервые встретила среди своих ровесников такую дружную пару: сразу было видно, что они счастливы вместе. Наконец я почувствовала, что мне здесь рады, девочкам тоже все нравилось: они с аппетитом поели и пошли играть с мальчишками, присматривая за ними, как за маленькими. За пару часов покоя я воспрянула духом. Потом Роберто побежал открывать заправку, и мы с Кармен остались одни.

Она вела себя очень тактично, не упоминала о Нино, не спрашивала, из-за него я переехала в Неаполь или нет, живули с ним, хотя ей, разумеется, было любопытно. Вместо этого она рассказывала о муже, о том, какой он прекрасный работник и семьянин. «Знаешь, Лену, – говорила она, – среди всей этой боли он и дети – единственное мое утешение». Тут она снова погрузилась в воспоминания об ужасной истории

с отцом, страданиях и смерти матери, временах, когда она работала в колбасной Стефано Карраччи, пока Ада не заняла место Лилы и не стала над ней издеваться. Мы немного посмеялись над ее романом с Энцо: «Ох и глупые мы были, Лену!» О Паскуале она не упомянула ни разу, пришлось самой спросить. Вместо ответа она уставилась в пол, покачала головой, а потом неожиданно заговорила о другом.

– Пойду позвоню Лине, – вдруг вспомнила она. – А то, если узнает, что мы встретились, а я ей не сказала, больше разговаривать со мной не будет.

– Да ладно тебе, зачем человека от работы отвлекать?

– Она теперь сама себе хозяйка, отвлекается когда хочет.

Я не хотела пускать ее к телефону и, надеясь отвлечь, спросила осторожно, что происходит между Лилой и братьями Солара. Она замаялась, сказала, что ничего толком не знает, и пошла звонить. Я слышала, как она докладывает, что мы с девочками у нее в гостях.

– Ли́ла так обрадовалась! Сейчас придет, – объявила Кармен.

Я разнервничалась. С каждой минутой мое волнение нарастало, но мне все равно было хорошо сидеть в этой уютной квартире, ловя доносящиеся из-за стенки детские голоса. Позвонили в дверь. Кармен пошла открывать, и из коридора раздался голос Лилы.

Я не сразу заметила Дженнаро и Энцо. Увидела я их только потом, а в первые, показавшиеся бесконечными секунды только прислушивалась к голосу Лилы и боролась с неожиданно накатившим чувством вины. Может, мне стало стыдно, что она опять бежит, чтобы встретиться со мной, а я постоянно пытаюсь вычеркнуть ее из своей жизни. Или показалось, что с моей стороны это просто хамство – прятаться и делать вид, что ее жизнь меня не интересует, когда она по-прежнему волнуется за меня. В общем, не знаю. Зато помню, что, пока она меня обнимала, я пообещала себе: если она не начнет меня поучать и язвить по поводу Нино, если хотя бы притворится, что ничего не знает о его новорожденном ребенке, и будет приветлива с моими дочками, я тоже буду вести себя с ней по-доброму, а там посмотрим.

Мы не виделись с той встречи в баре на виа Дуомо. Разговор начала Лила. Она подтащила к себе Дженнаро – толстого подростка с прыщавым лицом – и сразу стала на него жаловаться: «Представляешь, начальную школу окончил прекрасно, в средней тоже держался молодцом, а тут бац – и завалил латынь! И с греческим беда!» Я похлопала парня по руке: «Ничего страшного, просто надо позаниматься. Приходи ко мне, Дженна, я тебе помогу». Сразу затем я заговорила о себе: сказала, что несколько дней назад перебралась в

Неаполь, что с Нино мы все выяснили, насколько возможно, и теперь все хорошо. Потом я ласковым голоском позвала дочек. Деде и Эльза тут же прибежали. «А вот и девочки! Надо же, как выросли!» Тут случилось неожиданное: Деде узнала Дженнаро, с восторгом кинулась к нему и утащила за собой в другую комнату; ей было девять, ему – почти пятнадцать. Эльза, не отставая от сестры, схватила парня за другую руку. Я наблюдала за ними с материнской гордостью и очень обрадовалась, когда Лида сказала:

«Молодец, что вернулась: надо делать, что сердце велит. А девочки у тебя просто красавицы!»

Я окончательно расслабилась. К нашей беседе подключился Энцо, спросил, как моя работа. Я похвасталась хорошими продажами книги, но тут же поняла, что, в отличие от первой, которую в квартале бурно обсуждали, а кое-кто даже читал, о второй книге не знали не только Энцо с Кармен, но даже Лида. Я в двух словах рассказала, о чем она, немного посмеиваясь над собой, и, в свою очередь, спросила: «А вы, говорят, из пролетариев заделались начальниками?» Лида слегка поморщилась и посмотрела на Энцо; тот начал объяснять мне, чем они занимаются. Он сказал, что за последнее время ЭВМ значительно эволюционировали, что компания IBM выпустила принципиально новые машины. Он старался быть кратким, но постоянно углублялся в технические подробности, которые нагоняли на меня тоску. Говорил о кодах, «Системе 34», объяснял, что перфокарты, перфоратор-

ные и сортировальные машины в прошлом, их заменил новый язык программирования – BASIC, – а сами ЭВМ становятся все меньше размером: «Вычислительная способность у них ниже, память меньше, зато и цена приемлемая». В общем, из всего рассказа я вынесла, что появление новых технологий стало для них поворотным моментом: они изучили эти технологии, поняли, что теперь могут справляться сами, и открыли компанию под названием Basic Sight («*Без английского названия нас бы никто не принял всерьез!*»), разместили все необходимое прямо у себя дома и стали сами себе *не только начальниками*, но и работниками: Энцо – главный специалист и администратор, но «настоящая душа компании, – с гордостью показал Энцо на Лилу, – вот она! Видишь наш логотип? Это она нарисовала!».

Я посмотрела на изображение: завиток обвивал вертикальную линию. Это нехитрое изображение привело меня в волнение: вот оно, последнее порождение ее неуправляемой фантазии, а сколько их я пропустила. Меня охватила ностальгия по былым временам. Лила постоянно чему-то училась, потом все бросала и переучивалась заново. Она никогда не останавливалась и не оглядывалась назад: «Система 34», BASIC, Basic Sight, этот логотип. «Красота», – сказала я и почувствовала вдруг то, чего так и не получила от встреч с матерью и сестрой. Они все были счастливы снова видеть меня рядом и радушно приглашали вернуться в их жизнь. Энцо, чтобы доказать, что не изменил своих взгля-

дов, даже несмотря на их собственный успех, начал в своей обычной суховатой манере рассказывать, с чем столкнулся при осмотре фабрик: люди все так же работают в ужасных условиях, за гроши, и Энцо было стыдно упаковывать всю эту грязь в идеальную чистоту программных данных. Лила добавила, что руководство было вынуждено показывать им, что в реальности творится на каждом предприятии; она с сарказмом говорила о вранье, жульничестве и мошенничестве, скрывавшихся за цифрами безупречных бухгалтерских балансов. Кармен тоже решила не отставать: «В нашем деле, на бензозаправках, тоже дерьма хватает!» И наконец заговорила о брате и о том, почему на самом деле он пошел «по кривой дорожке». Она напомнила нам, какие нравы царили в нашем квартале, когда мы были детьми и подростками. Я только теперь узнала, что рассказывал им с Паскуале отец, которого всю жизнь преследовали фашисты под предводительством дона Акилле; однажды они до полусмерти избили его на выходе из туннеля; в другой раз пытались заставить поцеловать фотографию Муссолини, а он вместо этого взял и плюнул на нее. Они не убили его, не стерли в порошок (*«Фашисты убивали людей, не оставляя следов»*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.